

«Не говори с тоской: их нет...» Василий Жуковский

№ 3
(74)
2017

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

Уходя, зажгите свет

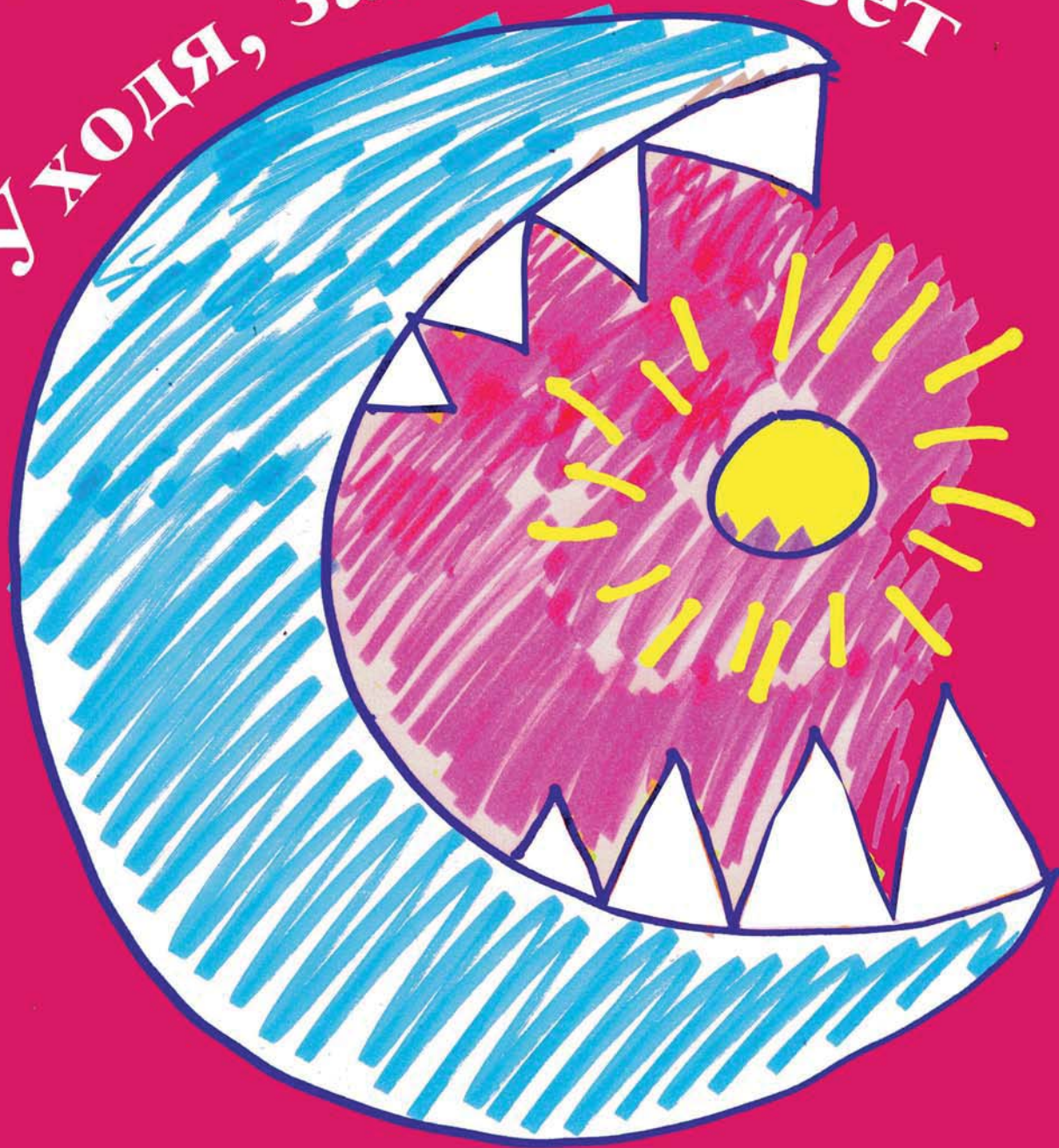

Рисунок Андрея Врадия

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

7

Здесь в 20-е годы в газете «Гудок»
работали
Валентин Катаев, Илья Ильф,
Евгений Петров, Михаил Булгаков,
Юрий Олеша, Михаил Зощенко,
Константин Паустовский.

ДООС продолжает
проект по установке
виртуальных
мемориальных досок

Валентин Катаев, Юрий Олеша, Михаил Булгаков

Евгений Петров, Илья Ильф

В Вознесенском переулке каждый дом исторический. Жаль, что не все уцелели, в том числе и дом № 7. Здесь 100 лет назад вышел первый номер легендарной газета «Гудок», в которой начинали литературную деятельность многие известные писатели – литсотрудники знаменитой «Четвертой полосы». Здание «Гудка» и его помещения подробно описаны в романе «Двенадцать стульев» в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца». Здесь же, в общежитии при редакции, в маленьких каморках с фанерными стенками жили Юрий Олеша и Илья Ильф. В романе Ильфа и Петрова в такой же комнате с матрасом на четырех кирпичиках останавливались Остап Бендер и Киса Воробьянинов.

Вспоминали

Москва, Галле, Вена, Пекин, Нью-Йорк, Сочи, Дублин, Париж, Чебоксары, Калининград, Тояма, Подольск, Чикаго, с. Ташенка, Лондон, Красноярск, Иерусалим, Будапешт, с. Александрия

1-2-3

Фестиваль ДООС-2017
Сергей Бирюков

4

Виктор Ахломов
Евгений Евтушенко

5-6-7-8-9

Константин Кедров

10-11-12-13

Эдуард Трескин
Сергей Ольденбург
Виктор Клыклов
Виктор Ахломов

14

Анатолий Бердичевский

15

Валерий Д. Руденко

16-17

Джиди Мацзя

Ли Ялань

18-19

Нина Зарецкая

20

Маргарита Аль

21

Александр Вепрёв

22-23

Елена Кацюба
Валентин Никитин

24

Евгений Степанов
Вероника Юстратова

25

Геннадий Юшко

26

Борис Колымагин
Михаил Файнерман
Борис Бомштейн

27

Анатолий Кудрявицкий
Геннадий Хамельянин

28

Марина Карягина

29

Акифуми Такеда
Алексей Чуланский
Кристина Зейтунян-Белоус

30

Элике Энн Шоу
Эва Касански
Сергей Тырышкин

31-32-33

Кира Сапфир
Олег Романов

34-35

Борис Бартфельд

36-37-38

Лев Гарлен
Анна Ильина-Цабадзе

39

Маргарита Сюрица

40-41

Лидия Григорьева

42

Николай Еремин

43

Ефим Гаммер

44

Арон Гаал

45-46

Христо Тодоров
Владимир Делба

47

Татьяна Зоммер
Кристина Зейтунян-Белоус
Ирина Мельник

3-я стр. обложки

Галерея авторов ПО

4-я стр. обложки

Галина Мальцева

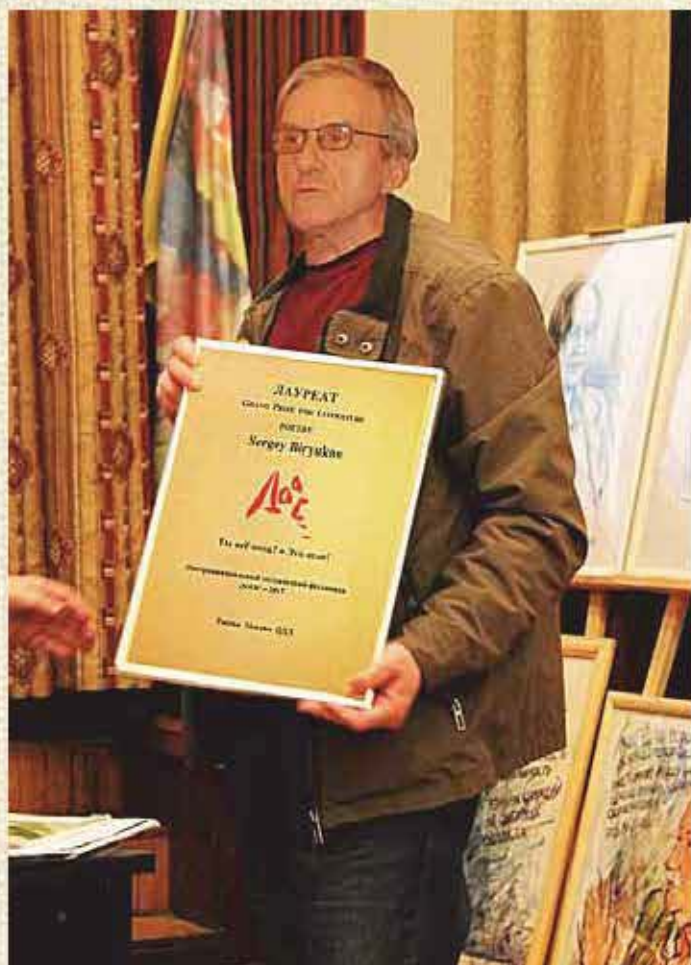

Фестиваль ДООС в этом году совпал с 18-м Всемирным Днем поэзии ЮНЕСКО. Ну, конечно, это было не случайно. Добровольное общество охраны стрекоз решило соединить в одном пространстве и времени два знаменательных события – Второй Международный Фестиваль ДООСа и совершеннолетие Всемирного Дня поэзии, который участники этого поэтического сообщества провели первыми не только в России, но и во всем мире в Театре на Таганке Юрия Любимова. Ведущим был сам великий режиссер, Андрей Вознесенский прибыл прямо из аэропорта на сцену, где поэты Константин Кедров, Елена Кацуба, Алина Витухновская и Михаил Бузник уже начали поэтическое действо. Поэтому после того, как лауреат 1-го Фестиваля ДООС Константин Кедров и народный артист России режиссер Андрей Житинки открыли фестиваль, на экране прошли сюжеты из TV-новостей о Всемирных днях поэзии, проведенных ДООСом.

Затем было оглашено имя победителя. Лауреатом Фестиваля ДООС-2017 и обладателем Золотой медали стал доктор культурологии, основатель Академии Зауми, ДООС-заузавр Сергей Бирюков. Вручая победителю диплом, Константин Кедров сказал, что эта награда могла быть вручена и пять, и десять лет назад, потому что Сергей Бирюков неустанно по всему миру просвещает, объясняет, что русский авангард 20-го века – это величайшее явление русской и мировой культуры.

И еще Константин Александрович добавил «Вообще-то, лаудацио – приветственная речь – по традиции должна произноситься по латыни. Поэтому извините за ученость, но как доктор философских наук я эту традицию продолжу. Docendo discimus. Cujus regio, ejus lingua. Dixi et animam levavi. Carum est, quod rarum est. Aquila non capiat muscas. A mari usque ad mare. Felicitatem ingentem animus ingens decet. Fiat lux! Bibamus!»

Этот перформанс вызвала в зале большое оживление, а перевод добавил веселья. «Обучая,

мы учимся сами. Чья страна, того и язык, сказал – и облегчил душу. Ценно то, что редко – орел не ловит мух. От моря до моря великому духом подobaет большое счастье. Да будет свет! Выпьем!»

Надо заметить, что последнее слово многие поняли и без перевода, что несомненно свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне присутствующих.

В своей ответной речи лауреат сказал:

«Я совершенно опрокинут, сдвинут этим. Хочу сказать, что, если бы не было ДООСа, то его следовало бы придумать. И он был придуман Константином Кедровым. Это очень ответственно – получать такую награду из рук основателя ДООСа. Дело в том, что стрекозы во всем мире действительно требуют охраны. И оказывается, что название моего родного города Тамбов по-японски означает стрекоза. Я в Токио зашел в магазин и купил там ластик, на котором было написано «tombow» и нарисована маленькая стрекоза. Правда, через «о», но есть разные версии написания названия города Тамбов».

А затем как ответ на лаудацию Сергей Бирюков прочитал свой стих «Стихи теней» на русском и японском языках.

Следующим победителем, теперь в номинации

«Манифест», стала Маргарита Аль – ДООС-стрекоза Аль – со своим ставшим уже хрестоматийным текстом «Ищи!», который она тут же и озвучила, причем, не просто так, а в рупор, специально изготовленный для победителя в этой номинации. Так что призыв «Ещё ищи!» прозвучал особенно убедительно.

Грамоты в номинации «Манифесты пяти континентов» получили: Лидия Григорьева (Европа), Хадаа Сендоо (Азия), Павел Грушко (Америка), Татьяна Бонч-Осмоловская (Австралия), Александр Городницкий (Антарктида).

Грамоты участников были вручены: Александру Бубнову – за фундаментальные исследования русского палиндрома, Герману Виноградову – за создание авангардных перформансов, Николаю Ерёмину (Красноярск) – за оригинальный издательский проект «Миражисты», Кристине Зейтуян-Белоус (Париж) – за необычные визуальные манифесты.

Благодарности за активную помощь в организации фестиваля удостоились Анвар Альмухаметов и Ольга Журавлева.

Награждения и выступления участников проходили под звуки золотого саксофона Сергея Летова – ДООСа-саксофавра. Эта традиция установилась еще в середине 80-х на первых выступлениях ДООСа, в том числе в знаменитом ДК им. Курчатова. Константин Кедров читал тогда еще совсем новый «Компьютер любви», Елена Кацуба – первый вариант суперпозмы «Свалка», Владимир Друк – друг ДООСа (он теперь живет в Нью-Йорке) – «Телефонную книгу».

Кстати, обратите внимание – Летова играет на фоне портретов участников фестиваля.

Эта выставка – часть проекта ДООСа Маргариты Сюриной «Портрет российской словесности». В своей речи она сказала:

«Наша дружба с ДООСами продолжается уже третий год. Они выступали на наших выставках. А теперь мы открыли новую программу – переключили наше внимание с классиков на современников. Мы проводим мастер-классы, где рисуем современных, действующих поэтов. И мы рады, что в числе первых участвующих в нашей программе стали Константин Кедров, Елена Кацуба, Маргарита Аль, Татьяна Зоммер. Все они у нас здесь на портретах».

Этот проект был расценен как манифест и награжден грамотой фестиваля.

Елена Кацуба, ответственный секретарь и арт-директор «Журнала ПОэтов», провела презентацию изданного специально к фестивалю номера 1-2 (73) за 2017 г. «Манифест. Век XXI» с эпиграфом «У истинного поэта каждый стих – манифест». Это самый толстый из выпущенных за двадцать два года номеров – 76 страниц! Он просто ломится от манифестов – и поэтических, и прозаических, и визуальных.

Елена отметила, что самый давний манифест представил поэт, композитор Лоренс Блинов из Казани – ПОСОХ. Расшифровывается как ПОэтическое СОобщество им. Хлебникова. Это было еще в 70-х годах прошлого века. Авторы проекта надеялись на поддержку разных структур, но когда об этом узнали в горьком комсомоле, организаторам вышел полный запрет. Но ПОСОХ все же состоялся. Впрочем, далеко

не все из предполагаемых участников решились в него вступить. Почетное место занял в журнале манифест Германа Виноградова 1989 года «Бикапо».

Победители получили возможность представить дебютантов фестиваля по своему выбору. Сергей Бирюков выдвинул Марину Карягину из Чебоксар. Она прочла палиндром на чувашском языке, причем, слева направо – это один текст, справа налево – соршенно другой, а если читать текст целиком с конца к началу, то получается монопалиндром. Палиндром с русским подстрочным переводом можно прочитать в этом номере.

Маргарита Аль предложила послушать Наталью Шахназарову. Ее экспрессивная манера чтения стихов вызвала в зале бурную реакцию.

Вечер продолжили ДООСы Евгений Степанов, Татьяна Зоммер, Александр Карпенко (он также вел видеосъемку, короткую версию можно посмотреть на YouTube – «Фестиваль ДООС 2017») и другие.

Действо закончилось традиционной ДООСовской катавасией, когда все одновременно читают каждый свой стих. Потом празднование продолжилось в цэдзеловском буфете, где ДООС Эдуард Треским своим мощным оперным баритоном провозгласил в фестивальном рупоре всем участникам и особенно Сергею Летову: «Многая лета!..»

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

NOFMANIANA

Э.Т.А.Гофман
шагает по крышам Кёнигсберга
Кот Мурр
следует за ним неотступно
держит в лапах
свои житейские воззрения
острым глазом
выхватывая сюжеты
вот Mausekönig
выглянул из
чердачного окна
а там уже поджидает Nußknacker
вот вот начнется потасовка
между тем
Klein Zaches
пробирается к покоям
мастера Копелиуса
и двойники двоятся
и двойчатки двойствуют
и кружатся в счастливой игре
Зигфрид Менар Вертуа
Дюверне
и обнимаются
Чертополох с Тюльпаном
Цехерит и Гамахея
и словно deus ex machina
является Meister Floh
проще говоря
Повелитель блох
о здесь может автору
грозить судебная расправа
не стоит ли
закончить повесть ранее
например
дайте подумать
например
смертью автора...
однако
именно
Э.Т.А.Гофман
шагает по крышам Кёнигсберга
и Кот Мурр
высматривает очередную жертву
для сюжетстроения
и тут кстати
на береру
der Sandmann

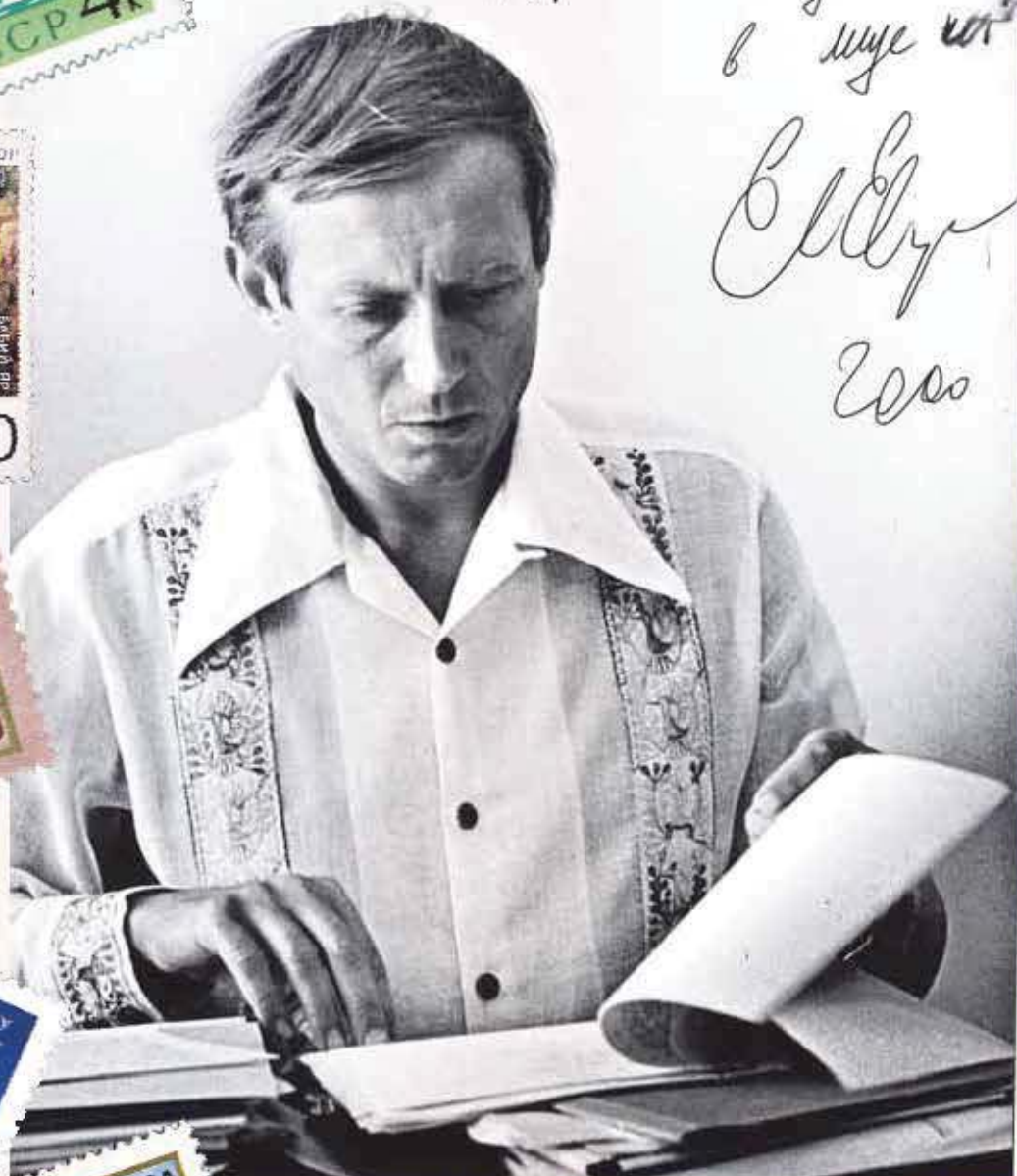
ДООС

Лауреат фестиваля ДООС-2017

«Людей неинтересных в мире нет»

Евгений Евтушенко

Люди неинтересных
в мире нет
Евтушенко
2000

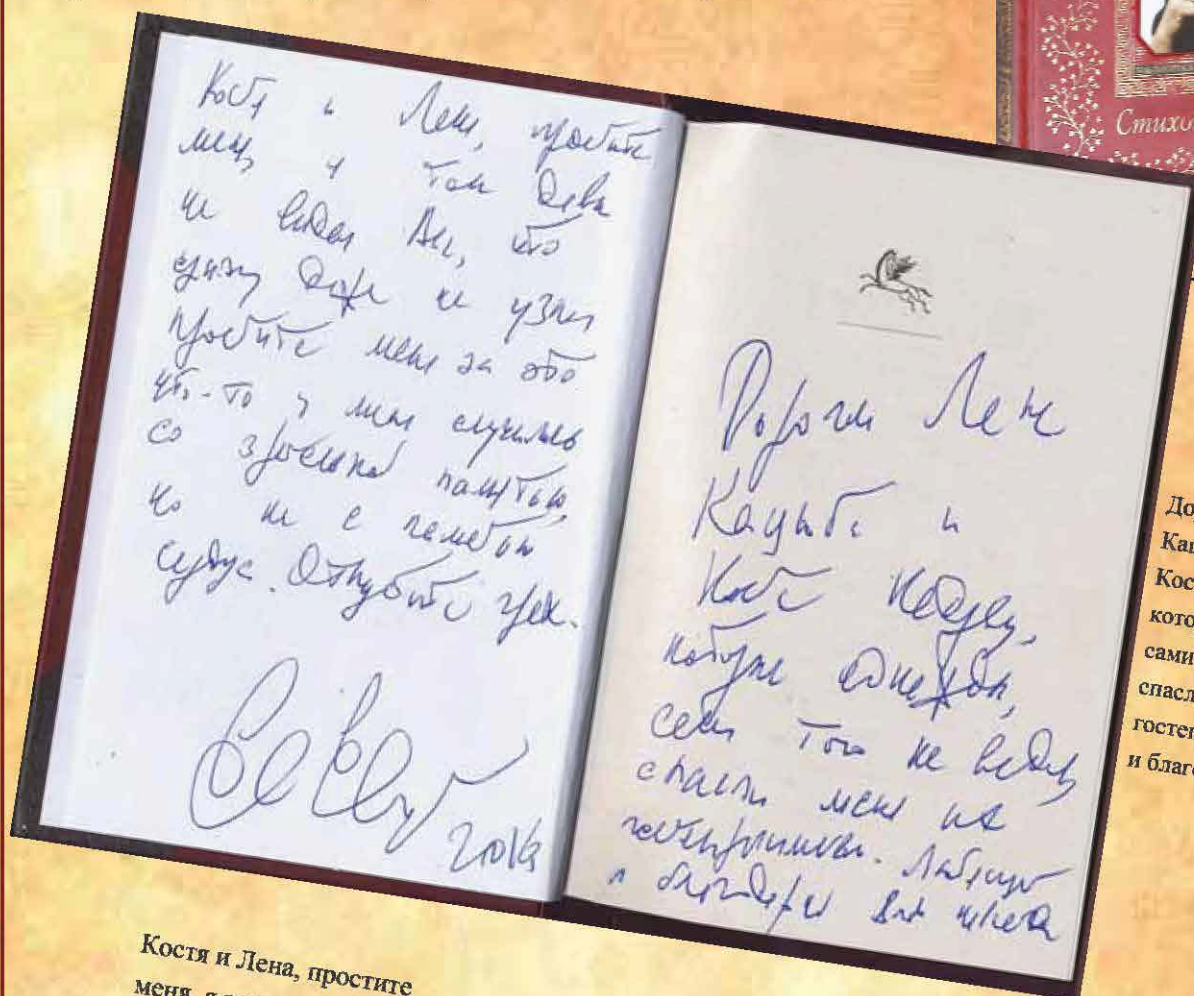
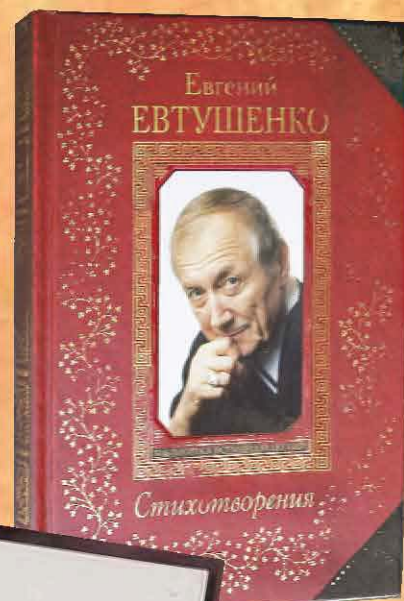

Автор фото Виктор Ахлюмов – ДООС-линсазавр (1938 - 2017).

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

В декабре 2016 на VII Конгрессе литературы в подмосковных «Соснах» сидевший в президиуме Евгений Евтушенко в перерыве между двумя выступлениями внезапно воскликнул: «Костя, Лена, я же вас не узнал. Простите меня! Костя, подойди ко мне, прими мою любовную записку! Ты же спас меня!» И тотчас надписал свой сборник. Потом попросил меня поцеловать его в щёку, что я и сделал. И тут он шепнул мне на ухо: «Ты спас меня от Бродского».

Дорогим Лене
Кашубе и
Косте Кедрову,
которые однажды,
сами того не ведая,
спасли меня их
гостеприимством. Любящий
и благодарный вам навсегда

Костя и Лена, простите
меня, я так давно
не видел вас, что
сразу не узнал
Простите меня за это
что-то у меня случилось
со зрительной памятью,
но не с памятью
сердца. Отпустите грех
Евгений Евтушенко

25 декабря 2016 г. в Магазине «Москва» Евгений Евтушенко тепло приветствовал меня и Лену. А потом перед собравшимися читателями и поклонниками довольно решительно осудил телевизионную поделку «Таинственная страсть»:

«Вот мой друг поэт Костя Кедров – свидетель, он подтвердит. И откуда все эти глупости, что Белла Ахатовна Ахмадулина могла сказать мне «ты трус»? Белла присутствовала на всех моих свадьбах, мы дружили всю жизнь. Или дикая сцена – я отталкиваю Вознесенского от микрофона. Скажи им, Костя, разве могло быть такое? В сцене протеста против ввода танков в Чехословакию вокруг меня целая толпа, в то время как протест подписал и отправил телеграмму из Коктебеля я один. После этого телеграфистку уволили, пришлось еще за нее заступаться. Вызывает меня Андропов: «Зачем вы едете к нашим врагам в Америку?» Я ему отвечаю: «Какие враги? Гекльберри Финн и Том Сойер? Я хочу проехать их маршрутом по Миссисипи». – «Ну, тогда другое дело», – и дал разрешение, а в этой киноподелке Андропов чуть ли не в командировку в США меня отправляет... Фидель Кастро был моим личным другом. Он не раз за меня заступался и прямо говорил: «Как вы можете преследовать

поэта, который лично, один мужественно защищал народ Кубы и нашу маленькую страну, когда ее пытались оккупировать американцы?» А что мы видим в картине? Я около Кастро, как шут гороховый, чуть ли не с микрофоном за лацканом. Откуда все это? Зачем, почему? В Америке в 90-х на меня волны такой клеветы обрушились. У меня были тяжелые дни отчаяния в 1994-м, и когда я приехал в Россию, спасибо Косте Кедрову, что в ту ночь он спас меня от самоубийства своим гостеприимством и соловьями под его окном. Я так рад тебя видеть. Спасибо тебе, что ты меня спас!»

Женя умолчал на этот раз, о какой и чьей клевете в Америке шла речь, но мы это знаем из многих других его признаний и интервью, в частности с Соломоном Волковым.

Мне осталось только встать и подтвердить, что все так и было, только соловей был один, но пел он очень громко, прямо-таки гремел, видимо, специально для поэта в то летнее утро у меня на улице Артековской, дом 8, в остатках уцелевшего чудом вишневого сада безжалостно выкорчевываемого бульдозером. К счастью, часть сада все-таки сохранилась около нашего дома, где, видимо и угнездился чудом залетевший туда соловей.

А получилось так. После презентации в ЦДЛ новой книжки Женя пригласил нас к своим друзьям. Застолье затянулось, мы собрались было уходить, но виновник торжества сказал: «Я вас отвезу». Приехали, и тут Женя говорит: «А можно зайти?». – «Конечно!» Входим в комнату, а тут прямо перед нами на столе бутылка вина «Черные глаза», Лена днем купила. «Да это же вино моей юности!» – воскликнул поэт. Вот так под вино

юности и пенье соловья и просидели мы до утра у открытого окна без решеток.

Евтушенко в то время заканчивал работу над объемной антологией «Строфы века». Он попросил Лену почитать стихи. Слушал очень внимательно. Особенно ему понравилась строчка из стихотворения о капитане: «Капитан осторожен в своих отраженьях...» Он повторил ее два раза, как бы вслушиваясь в звучание. Но в антологию все-таки включил другое – лирическое стихотворение.

Мы расстались в то летнее утро в шесть часов под неумолкающее пение. И оно спасло жизнь великому поэту. Вот так открылась для меня и для скопления читателей и почитателей поэта Евгения Евтушенко, собравшихся в книжном магазине «Москва» на Тверской улице, тайна, о которой я много лет не знал и не ведал.

Нельзя быть больше, чем поэт, но можно быть поэтом больше других поэтов. Евтушенко из когорты тех, которые всегда больше, чем... Рядом с ним по лиричности никого не могу поставить. Он лирик лириков. По гражданской смелости в стихах ему тоже нет равных. Но есть ещё что-то очень человеческое и трогательное, что прорвалось в последние дни нашей встречи, когда, нарушая привычный ритуал и статут он вдруг обращался ко мне в зале прямо из за стола президиума, то прося прощения за что-то, то прося подтвердить правоту его слов, то с горячими словами благодарности за поддержку, то просто призывая меня в свидетели даже тех событий, в которых я напрямую не участвовал. Для всех, в том числе и для меня так и останется загадкой, что это было. Сам поэт назвал это горячим объяснением в любви. Пусть так и будет!

Шестидесятники, или Явная вечеря

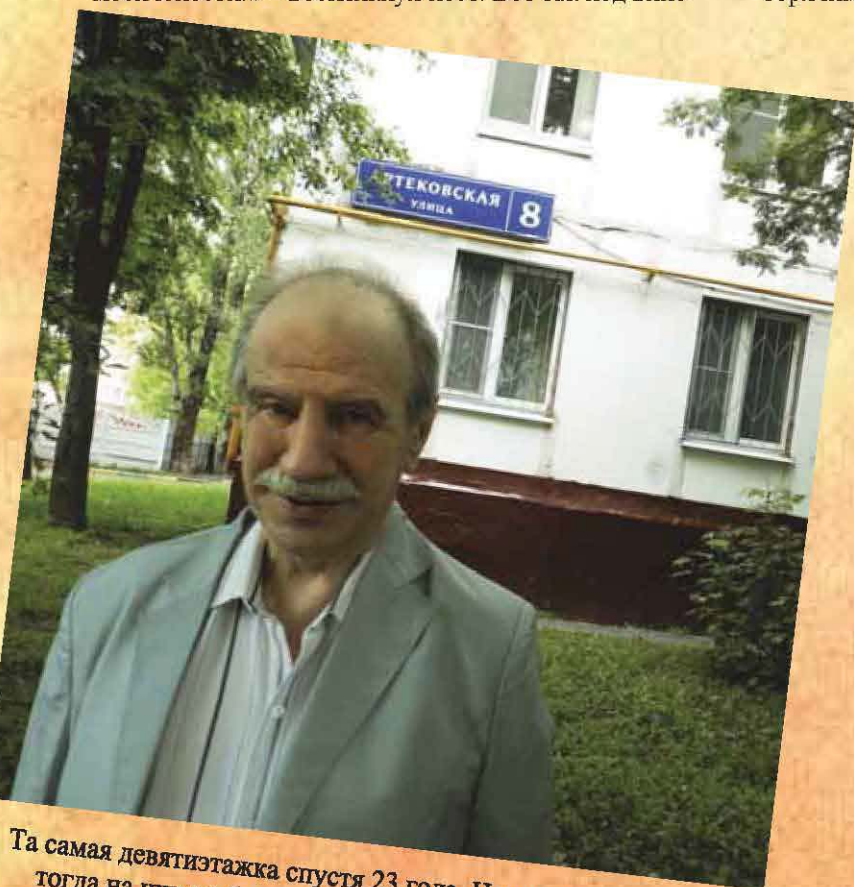
1.

О нет, я не шестидесятник
Я младше их на 10 лет
Но я их света сопричастник
Хоть я совсем другой поэт

По своему был каждый новым
Сиял стихом из вечной тьмы
Они воздействовали словом
На затемнённые умы

Пробыв полвека под запретом
Что делать – так судьба сложилась
Я счастлив что в финале века
Мы встретились и подружились

И средь цветущих яблонь व्यюгу
Тогда всю ночь к слезе слеза

Та самая девятиэтажка спустя 23 года. Наши окна, только тогда на них не было решеток. Фото Елены Кацубы.

Читали мы стихи друг другу
И пили «Чёрные глаза»
Стал для меня он в чём-то новым
не уловить сего оттенка
Поэт Евгений Евтушенко
и друг Евгений Евтушенко
О Боже, но с какой же силой
Друг друга больше чем любя
Шептал Андрияша:
«Костя, милый
пишу — только для тебя!»
Ах замечал он замечал он
Всё и за всё был благодарным
Потом навеки припечатал
Моих хулителей бездарных:
«Костя! Не противься бреду,
Их беде пособолезнуй.
В наших критиках, по Фрейду»
Их история болезни...»
О нет я не шестидесятник —
Безвременник ловец мгновений
Я счастлив счастлив
счастлив счастлив
Со мной Андрияша и Евгений

1 апреля 2017

2.
За Евтушенко Господу молюсь
Он русский поэтический святой
Его стихов лирическая грусть
Нас освещала высшей красотой
Поэта святость — только красота
всё остальное это так не в счёт
А красота его и высота
Своей небесной музыкой влечёт
Сказал, «Я Ангел, только вот курю...» —
Проговорился в юности поэт
Благодарю — за всех благодарю
Таких поэтов больше в мире нет
Поэт сибирских полустанков
Поэтом был не на бумаге
Один он вышел против танков
На мостовых священной Праги
Один сказал про Бабий Яр
Когда про это все молчали
В любви и в ненависти яр
В финале честен как в начале
Не безразличен был ко всем
И был любовью всех отмечен
А вместе с тем среди систем
Не вечны все, весь мир не вечен
Все перед бездною стоим
И шепчем вечным шепотом
Поэт никем незаменим
Но что потом — ничто потом...

31 марта 2017 23 ч

3. Соловьиная ночь с Евтушенко

Пел соловей срывая крыши
И поднимаясь нотой выше
Обрушивал свои рулады
Сметал преграды и ограды
А Евтушенко был предельно
С высокой нотой нераздельно
Мы уносились выше за
И пили «Чёрные глаза»
В то время под моим окном
Сносил бульдозер сад вишневый
Но соловей остался в нем
И одарял руладой новой
Уж два десятилетия прочь
Мы снова встретились тобой
И ты признался что в ту ночь
Готов покончить был с собой
Тебя травил нещадно Бродский
Со всей компанией своей
Ты был один в глуши сиротской
Но спас тебя мой соловей
«Ты спас меня, того не ведая», —
Сказал с трибуны Евтушенко
Ну что ж опять вина отведаем
Опять напьемся хорошенько
Всю ночь мы пили с поэтбратией
Всю ночь сидели ты и я
Рукопожатия объятия
Но не хватало соловья
Ну что ж еще вина отведаем
Пусть я не ты и ты не я
Пел соловей того не ведая
Что спас другого соловья

4.

Умер или ушел в самоволку
 что в этом толку что в этом толку
 нам остаётся серёжка ольховая
 очень пуховая нежно пуховая
 мы подружались и снова рассорились
 в эту эпоху всё спарилось спорилось
 но из президиума конгресса
 слово твоё прозвучало как месса
 – Костя ты спас меня от большой беды –
 Вдруг прозвучало среди ерунды
 Праздных речей в середине доклада
 – Костя! ты спас меня! Вывел из ада
 В 94-ом ему ещё жить и жить
 А он: «Руки хотел на себя наложить»
 Спас его не священник не архиерей
 Спас за окном у меня соловей
 Я как тот соловей пропою
 Славу славу тому соловью
 Да, я слышал и видел воочию
 У себя на Артековской ночью
 Буду слышать отныне и впредь
 Соловья что не дал умереть
 Но я слышу отныне и впредь
 Соловья что хотел умереть

P.S.
 Ушел и нет равновеликого
 Теперь на небо вижу лик его

СОЛОРУ.ЛАДА

Не словами а соловьями
 Говорю сегодня я с вами
 В высь вырुливаю руладу
 Ладу усладу – усладу ладу
 Соловьино мефодиевый кирилл
 В небо горлышко приоткрыл
 В Рай распахнутые две створки
 Соловьиные связки в горле
 Соловей соло вей
 Соло вью соловью
 Ай лавью соловью
 Соловью айлавью

Двойной Вергилий

Я не привязан к времени и дате
 Скорей всего я всюду и везде
 Переплывая Стикс заметил Данте
 Что он не отражается в воде

Кто чёлн покинул под ступней дрожащей
 Тот настоящий но не настоящий
 Кто на другом оставил берегу
 Принадлежащее и другу и врагу

Кто побывал хоть раз во тьме вселенской
 Тот выплыл в свой бессмертный Зурбаган
 Я видел гроб в котором Вознесенский
 Плыл через зал в грядущий ураган

Я видел гроб в котором Евтушенко
 Плыл через Стикс вернее через зал
 Он мне сказал – Запомни хорошенько –
 И я запомнил всё что он сказал

Я Данте прочитал но невнимательно
 Но этим двум внимал в любой беде
 Гробы-челны совсем не обязательны
 К ним можно так ступнями по воде

При жизни не в аду и не в могиле
 Был Вознесенский мой живой Вергилий
 И неожиданно мне множество мгновений
 В приезд последний уделил Евгений

Я не один теперь во тьме вселенской
 Но с двух сторон меня по глади вод
 Двойной Вергилий – Евтушенко-Вознесенский
 Над гладью бездны бережно ведёт

2 июля 2017

Эдуард Трескин

народный артист Республики Татарстан
ДООС – баритонозавр

Битва за поэзию

Как пытались сорвать
юбилейный вечер Евтушенко

13 июля 1983 года в городе Ростове, что на Дону, было пасмурно и тепло, а к вечеру облака налились свинцом и превратились в тёмные тучи. Громыхнул гром, и почти одновременно с ним началась опера «Мадам Баттерфляй» в здании драматического театра имени Горького. Вот уже две недели Казанский театр оперы и балета гастролировал здесь с неизменным успехом.

Гроза бушевала над городом, а на сцене бушевали человеческие страсти. В момент прощания несчастной гейши Чио-Чио-сан с сыном в зале запорхали носовые платочки – появились первые женские слёзы. В какой-то момент показалось, что даже сцена залита слезами: кап-кап, кап-кап, светлый пол темнел от этих слёз. Но, когда они полились обильными струйками, звонко зашлёпали по дереву, стало ясно – дождь проник в театр сквозь дырявую крышу.

– Только бы в оркестр не попала вода... – сказал помощник режиссёра. – Зальёт скрипки, виолончели и контрабасы – тогда хана.

Мне нужно было выходить на сцену, поэтому я ему не ответил. По правде говоря, меня волновало другое: вот закроется аэропорт из-за грозы, и тогда точно хана – не успею вовремя прилететь в Москву, не попаду на концерт Евгения Евтушенко. И не простой концерт – юбилейный. Неужели нашему великому другу 50?

Мы встретились за 14 лет до этого на первомайской демонстрации в Казани, куда поэт приехал собирать материал для новой поэмы. Ну, а я был студентом того самого университета, который Евтушенко, собственно, и собирался обессмертить.

При первой же встрече Евтушенко предложил называть его на «ты» и – Женей. Но прошло как раз 14 лет, прежде чем мой язык перестал сопротивляться попыткам именно так и называть гениального поэта, кумира нашей юности.

К счастью, аэропорт не закрыли, хотя по улицам текли мутные реки, а вдали ещё погромыхивало и сверкало.

Я прилетел в Москву рано утром и сразу же прямо из аэропортского телефона-автомата позвонил Евтушенко в Переделкино. Я знал, что спать он ложится часа в четыре утра, а встаёт в семь – так что застать его дома можно было именно в это время. Он, видимо, только что вернулся домой после утренней обычной пробежки по лесу – голос его был свеж и бодр.

– Ты прилетел на мой юбилей из Ростова?

– Ну, конечно.

– Для тебя место я устрою. Не один? Вместе с Галей?

Марина с Серёжей тоже приехали? М-да... Будет трудно пройти – билеты проданы. Ну, что-нибудь придумаем. После концерта, кстати, приходи в бар.

В дирекции Спорткомплекса «Олимпийский» на моё имя были оставлены 4 билета. Прекрасные места – совсем рядом со сценой. Жена с сестрой Мариной были нарядные, взволнованные. Обе в шифоновых платьях – Галина в алом, Марина в бирюзовом.

Свяж Сергей основательно приготовился к съёмке – его кофр был полон фотоаппаратуры. В руках у наших женщин цветы – красные и розовые розы.

Мы обогнули гигантский комплекс, дурачась и смеясь под легким дождиком. У встречных почему-то был несколько будничны́й вид, они смотрели на нас с лёгким изумлением,

потому, конечно, что не знали о том, к кому на свидание мы идём.

Зал утопал в свете. Лица, лица, тысячи лиц... Длинная очередь за памятной программкой с портретом. Мы взяли пачку – в ней оказалось 18 брошюрок.

– Вот и не верь в нумерологию, – сказала Галя. – Это же число Жениного дня рождения!

Марина раздобыла Сергею нарукавную повязку «Фотокорреспондент», и он получил почетное право снимать, где захочет.

Зал приглушённо гудел, словно оркестр настраивался, из репродукторов неслись песни на стихи Евтушенко – «Хотят ли русские войны», «Вальс о вальсе», «Не спеши», «Старинное танго», «А снег идёт»... Суеились телевизионщики, и фотокорреспонденты нервно фотографировали зрителей.

Ждали. И вот – на сцену вышел Чингиз Айтматов и стал говорить что-то вроде вступительного слова, предваряя появление Евтушенко. Недавно была опубликована статья знаменитого писателя под названием «Парус поэзии» к пятидесятилетию поэта, и по отдельным долетавшим до нас словам было понятно, что он говорит ярко и неординарно. Но – о ужас! – микрофоны работали отвратительно. Зал гудел и топал ногами. Айтматов замолчал, постучал по микрофону, попытался говорить ещё, но динамики издавали только неразборчивый гул. Чингиз Торекулович беспомощно пожал плечами и ушёл со сцены.

Почти целый час на сцене происходило столпотворение: выбегали какие-то молодые люди технического вида и, неловко выпалив в микрофон: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять!» – с позором улетучивались.

Какой-то зануда уныло и обреченно считал сначала до десяти, потом десятками и, наконец, сотнями...

Снова на сцене Айтматов. «587...», – первое, что произнес писатель, подойдя к микрофону. Шутку приняли. А вот текст опять не пошел: динамики гудели, были, скрежетали. Зал разбушевался – кто-то кричал «Безобразие!», кто-то требовал вернуть деньги за билет. Пахло скандалом и паникой. Айтматову ничего не оставалось, как снова уйти. Обстановка накалилась до предела. У микрофонов возились звуковики с «Мосфильма». После очередной пробы сцена вновь опустела...

Взрыву подобно было появление Евтушенко. Он вышел стремительной пружинистой походкой из узкого коридора, ведущего прямо из-под зрительских трибун. Белоснежные брюки и синяя джинсовая рубашка. Спортивен, элегантен и демократичен. Вид решительный. Но мы ощущаем, разделяя его волнение, чего ему это стоило – так держаться.

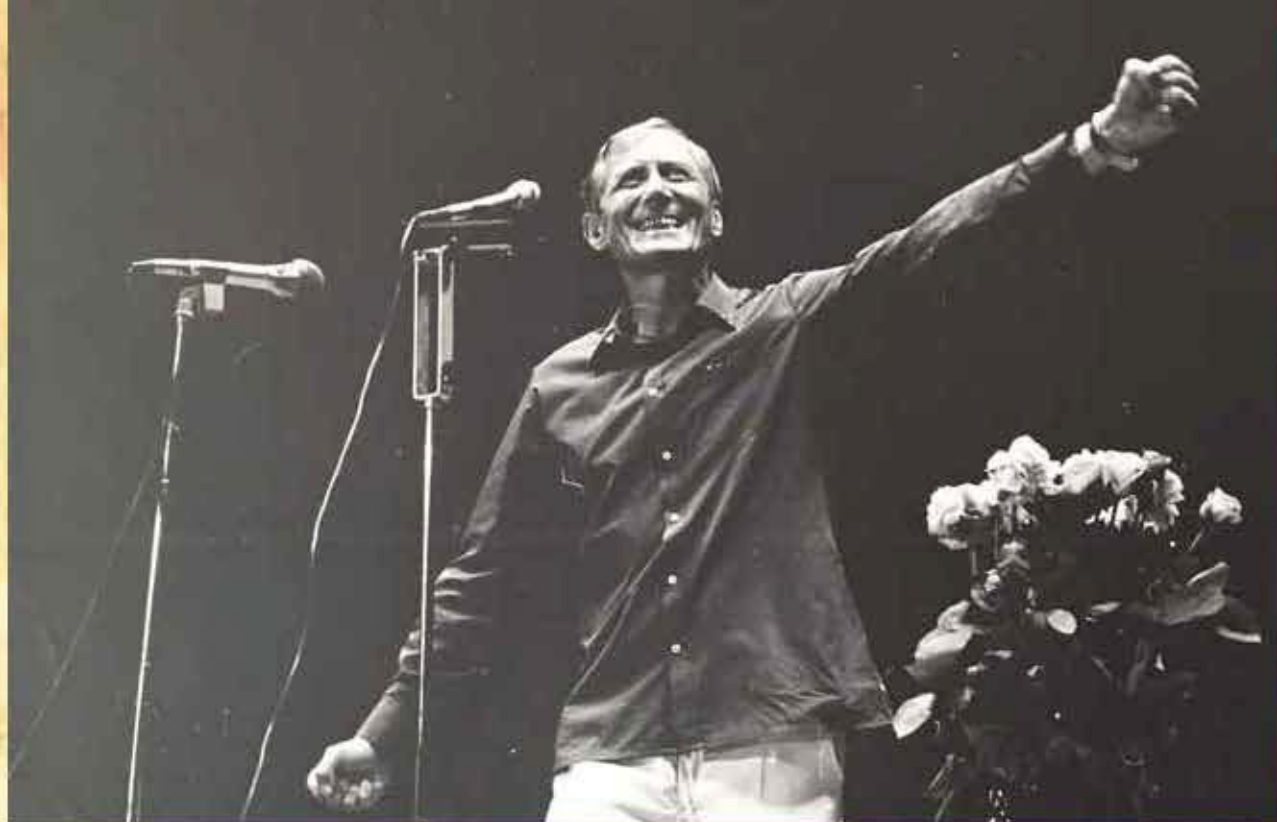
Когда он поднялся на сцену, возникли и первые цветы. Сгорбленная старушка, опираясь на клюку, протянула дрожащей рукой букетик ромашек. Евтушенко наклонился и поцеловал ей руку.

Внезапно, опережая меня, к сцене порхнула Марина с растрепанными влажными розами, вспыхнувшими в свете юпитеров.

– Низкий вам поклон! – сказала она.

Евтушенко улыбнулся одними глазами и поставил цветы в вазу на столике.

Мой букет алых роз он положил рядом.

— Мы с вами! — успел сказать я. (Через несколько дней в «Правде» появилось его фото. На столе были наши цветы.)

Он начал читать «Молитву» из «Братской ГЭС». Читал напористо, на нерве. Однако волнение сказывалось. Заменял слова, пропускал строфы. Ко второй вещи успокоился, голос зарокотал, зазвенел — да и цветы, и аплодисменты поддерживали.

Стихи свои «придворный поэт прох одного двора», как он сам себя называл, читал, конечно, самые лучшие. Стихи клеймили прох индеев, лизоблюдов, подпольных толстосумов и карьеристов. Он дразнил публику, заводил её, провоцировал и смело ходил по проволоке, балансируя между городом «Да» и городом «Нет» на грани дозволенного. «Единственная роскошь бедных / есть роскошь ада, / где нету лживых морд победных, / и врать не надо... / Но не дадут мне лица, лица / уйти под землю. / Я так хотел бы поделиться / собой — со всеми...»

Были стихи и о военном времени «Мед», «Свадьба». Прочёл он и стих «Марьяна Роща» — о своём улитанском городом № 607: «...И не ходить в хороших / учениках любимых / тем, кто из Марьиной Рощи — / школы неисправимых».

Когда зал «задымился» и публика «дошла», перешел на лирику — самую долгожданную всеми. «С о мною вот что происходит», «Как стыдно одному ходить в кинотеатры», «Любимая, спи...».

Голос... о, эт от несравненный Женингос!.. он завораживал, очаровывал, но не усыплял, а взбадривал, как хороший бокал шампанского — нет, недаром Евтушенко в Америке кое-кто называл Юджином Шампаном за его любовь к этому благородному напитку.

Закончилось отделение чтением главы «Нюшка» из «Братской ГЭС». Главу Женя читал в сокращении, поэтому поглядывал в книгу, надевая небольшие золотые очки на секунду-другую, а затем держа их в руке, словно дирижёрскую палочку. Перед тем, как читать, процитировал Флобера с его утверждением, что мадам Бовари — это он. Сказал, что то же самое может сказать о Нюшке. Вспомнил, как читал эту главу в Братске, и женщины, чьи судьбы были подобны судьбе его героини, вместо аплодисментов подняли нарук и показали ему своих детей. Сказал, что большей награды у него никогда не будет. «В наоборотный мир попавши, / орапи юные миро, / и, как подвыпивший папаша,

«Мои! — кричал я. — Все мои!»

В перерыве снова крутили пластинки с песнями Евтушенко. Удивило то, что большинство зрителей в огромном зале не рванули в буфеты, остались сидеть на своих местах, как будто боялись, что за время отсутствия их кто-нибудь захватит.

Вторая часть началась с приветствия представительницы компартии Чили. Она назвала Евтушенко национальным поэтом Чили. Он подарил ей наш букет роз из вазы, с ним она и вернулась на своё место. Затем он читал главу из поэмы «Голубь в Сантьяго» — недооценённой гениальной поэмы о любви и самоубийстве.

А после были стихи, которые никого не могли оставить равнодушными и подкупили сразу большую часть зрителей, да, не только слушателей и читателей, а именно зрителей — ведь на Евтушенко нужно было смотреть, чтобы воспринять его во всей полноте. ... «Чёрный ход», «Памяти Высоцкого», «Встреча с Шукшиным», «Бабий Яр» — этими стихами прочитанными так, как не может прочитать ни один актёр, Евтушенко всех не просто взволновал, но довел до слез, до иступленного восторга. Покорил...

Юмор Евтушенко... О нём можно написать, наверное, целое исследование. Женя из жизни умел пошутить, ценил меткое словцо в дружеской беседе, обладает моментальной реакцией на шутку, но и в поэзии его, даже и в лирических стихах, щедро разбросаны искринки юмора, словно блёстки на праздничной ёлке. Но, главное, он умеет в чтении невероятно легко и точно интонационно подать этот юмор.

«Юмор — это проявление божественного», — так сказал Дмитрий Шостакович. И юмор Евтушенко — одно из проявлений этой высшей сущности. Но ведь и вся поэзия — от Бога!

Снова барахлит микрофон, но Евтушенко укрощает его, словно ковбой норовистого коня, и стих «Карьера» вызывает волны смеха. «Меный, сверстник Галилея, / был Галилея не глупее. / Он знал, что вертится Земля. / Но у него была семья...

Но вот он читает «Казнь Стеньки Разина». Здесь он выглядел как великий артист! Здесь его певучие руки выделяли такие кренделя, а голос, пронзительный с хрипотцой, совсем как у Хлопуши, вкладывал слово за словом в десятку, как заправский снайпер. Казалось, крикнул этот человек: «Вперёд, друзья, на штурм Кремля!» — как все 16

тысяч зрителей вскочат с мест и ринутся, сами не зная куда... Но такого он, конечно, не выкрикнул. Было общее впечатление – стремительная лавина таланта накрывает нас. И это главное. Потом был отрывок из поэмы «Мама и нейтронная бомба». И вдруг, прервав жестом аплодисменты, Женя сказал:

– Здесь, в зале, есть человек, которому я обязан всем. Человек, который меня вырастил и воспитал. Это моя мама Зинаида Ермолаевна Евтушенко. Я не знаю, где она сидит, но знаю, что она здесь и слушает меня. Прошу вас поприветствовать ее.

Где-то в толпе на трибуне нерешительно приподнялась женщина. Разглядеть ее лицо было трудно. Евтушенко собрал все цветы, лежащие на столе, в огромную охапку и понес к трибунам. Загородка не дала подняться на трибуны, и он послал букет вверх. Букет торжественно поплыл по рядам, бережно и любовно поддерживаемый руками зрителей – совсем как ребенок из фильма «Цирк», где так же бережно с рук на руки передавали негртенка. Возможно, этот букет напомнил Зинаиде Ермолаевне маленького мальчика Женю. Мы, признаться, всплакнули.

И тут прозвучало стихотворение «Идут белые снеги» – культовый стих поэта. Зал взревел, а поэт коротко поблагодарил и стремительно ушел со сцены. Публика встала и в растерянности замерла: неужто всё?.. Аплодисменты почему-то стихли, но никто не уходил. Мы старались подогреть зал, дружно хлопая. Наконец, медленно аплодисменты переросли в овацию.

Восторженный гул нарастал, и тут вновь появился Евтушенко, на ходу застегивая белую рубашку с украинской вышивкой. Стоило ему подняться на сцену, как кто-то принес корзины с цветами, и они, высокие и яркие, создавали впечатление несокошенного луга, на котором вдруг оказался поэт. Как будто вышивка с рубашки перелетела на сцену и расцветила её. Евтушенко раскинул руки, словно собирался обнять весь мир, и без предисловия, с налета стал читать стих «Приходите ко мне на могилу». – Нет, нет, не надо! – выкрикнул кто-то из зала. «Приходите ко мне на могилу, / на могилу, где нету меня».

Зал слушал стоя. Встреча была неистойвой, аплодировали руками, поднятыми над головой. Стих «Родина моя» закончил концерт. «Меня не станет – солнце встанет, / и будут люди и Земля. / И если кто меня вспомнит – / то это родина моя...»

Признание огромного Олимпийского зала было подобно всенародному, всемирному признанию. Любовь, цветы, слезы, восторг... хотелось жить. Так жить, как только что жил великий поэт на этой сцене, в этом безмерном пространстве своей поэзии.

P.S.

Евгений Евтушенко всегда мечтал о дочери. Но у него рождались одни сыновья. Мечта сбылась, когда появилась на свет внучка – дочь старшего сына Саши. Буквально накануне ухода поэта из жизни, как рассказали мне его родственники, маленькая девочка спела ему по скайпу из-за океана. Вот так возник мой стих:

*Дедушке внучка поёт –
внучка по имени Роза.
Дедушка утром умрёт...
Ну, а пока он живёт,
слушает пенье сквозь слёзы.*

*Нынче ему всё равно,
то, что поэт он и гений...
Скайп, словно в детство окно,
там пел когда-то... давно...
мальчик по имени Женя.*

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр

Вена

Случайные и неслучайные, очные и заочные, встречи-невстречи с Евгением Евтушенко и его поэзией

Мы родились в один день – 18 июля. Для меня это и плохо, и хорошо. Плохо, потому что я не мог ходить на его традиционные выступления в этот день в Политехническом музее. Я обычно отмечал мои дни рождения с друзьями дома в Москве. Веселились, выпивали, читали стихи свои, Евтушенко, Вознесенского и Рождественского, слушали и подпевали Окуджаве и Высоцкому. За Евгения Евтушенко всегда поднимали бокал вина. Хорошо, что такой поэт родился в России и почти сразу стал «больше, чем поэт».

Мне с моей любимой девушкой Олей очень хотелось услышать и увидеть Евгения Александровича в жизни. И вот осенью 1961-го в Москве появились афиши о вечере поэта в Телевизионном театре. Билетов в кассах не было. Мы решили попытать счастья и поехали в театр. Но и с рук купить билеты не удалось. Тогда мне пришла идея спрятаться в коридоре между внешними и внутренними дверьми в театр, где проверяли билеты. К нам присоединилась ещё одна молодая парочка.

Наконец внешние двери театра закрыли, и мы вошли в фойе. Там оставалась одна контролёра. Мы стали её уговаривать впустить нас в зал: «Ведь нас всего четверо. Мы можем постоять или сесть на ступеньки». Женщина была неумолима.

Сбоку в фойе вошла группа милиционеров, человек пять. Они поняли ситуацию и стали нас выпроваживать. Мы пытались ещё что-то говорить о своей любви к поэту и о страстном желании его послушать. Вдруг один из них схватил Олю за рукав её лёгкого пальтеца и потащил к выходу. Неожиданно для самого себя я бросился на него. Я был немного сзади, и от неожиданности он стал падать в сторону стойки раздевалки. Но, кажется, не упал и не стукнулся. Этого я не успел отметить, так как меня мгновенно подняли на кулаках в воздух (никогда не думал, что это возможно) оставшиеся четверо милиционеров и перенесли к двери, через которую прежде вошли. За дверью был коридор и кабинет, к которому меня и доставили. Я только успел заметить через приоткрытую дверь, что Оля вошла в коридор за нами и села на лавку напротив кабинета.

Один из милиционеров сел за стол (остальные ушли) и в страшном гневе стал кричать и поносить меня всякими словами, угрожать тюрьмой, так как я напал на милиционера при исполнении служебных обязанностей, который якобы ударился головой о стойку и разбил голову. Я, конечно, испугался, но не подал виду. Потом милиционер громко, чтобы слышала моя девушка, стал кричать «Чего ты связался с этой... Всё из-за неё! Откажись от неё, смягчим тебе наказание». И так далее... Сжавшись в комок, я молчал. Какой мерзавец, ведь он совсем не знает Олю! С ужасом думал я и о возможных последствиях: «Прощай, институт, свободная жизнь!» Но Олю не сдал.

Не знаю, чем бы это кончилось, но вдруг дверь комнаты распахнулась, и в неё с выпученными от ужаса глазами

свалился милиционер. «Евтушенко сбили с ног! Что делать?» Допрашивавший вскочил, крикнул мне: «Проваливай отсюда!» – и побежал в зал. Мы с Олей быстренько выскочили из милицейской через другую дверь и оказались на улице.

Никаких последствий для меня, слава богу, не было. Оказалось, что во время антракта, когда Евгений раздавал в фойе автографы, подошёл сильно выпивший гражданин и неожиданно его толкнул. Поэт упал и, как говорят, разбил лицо. Началась катавасия, и в итоге бузотёр оказался на моём месте. Эту историю года два назад я рассказал директору музея Е.А. Евтушенко в Переделкино. Она сказала, что поэт не любил вспоминать об этом.

Но в нашей с Олей жизни этот случай получил неожиданное и важное для меня продолжение. Не так давно моя жена сказала, что до того она не была уверена во мне. И только после этого происшествия решила, что соединит свою жизнь с моей. Так и получилось. Спасибо Евгению Александровичу!

Реальная встреча с поэтом произошла совершенно неожиданно и в неожиданном месте – в мае 1967 года в Париже, в аэропорту Орли. К тому времени я благополучно закончил институт, работал инженером в НИИТавтопроме и с делегацией специалистов автомобильной промышленности был послан во Францию для изучения их новейшего опыта в создании автоматизированных стендов по испытанию автомобильных двигателей. Кстати, потом наша установка получила государственную премию СССР.

Интереснейшая командировка заканчивалась, мы сидели в большом зале аэропорта и ждали самолёт в Москву. Осматриваюсь и вижу длинного худого молодого человека со светлыми волосами, с большой деревянной тарелкой под мышкой, энергично рассказывающего по залу. Явно наш русский. Тогда советских в заграницу летало немного. Вглядываюсь и узнаю поэта Евгения Евтушенко. Очень обрадовался и решил поговорить с ним. Подхожу, представляюсь, выражаю своё восхищение им и его поэзией. Евгений Александрович доброжелательно улыбнулся. Спрашиваю – откуда, куда и что за тарелка? «Был в Мексике, там и подарили. Изумительная страна! Это древний календарь ацтеков», – с гордостью произнёс он. Сообщили о посадке на его самолёт, и поэт улетел. В прошлом году эту тарелку я видел в его музее в Переделкино.

Шли годы, я уехал в Австрию, работал в Организации Объединённых Наций по промышленному сотрудничеству (ЮНИДО), в свободное время писал стихи, в 2000 г. вышел на пенсию. В следующем году выпустил первую книгу стихов «Сердце русское волнуется...» и был приглашён в старейшую гимназию Гамбурга, в которой учился мой внук, почитать стихи в старших классах. Переводили их на немецкий вместе с внуком. Перед началом встречи меня пригласили в кабинет директора. На столе у него лежали листки бумаги со стихами на русском и немецком языках. Посмотрел внимательнее и прочитал – Евгений Евтушенко «Бабий яр». Я был приятно удивлен и сильно обрадовался этому. В гимназии знали и изучали поэзию нашего знаменитого поэта!

В последний раз я слушал его 16 мая 2015 г. на вечере в Концертном зале им. Чайковского, столь любимом им близостью к памятнику В.В. Маяковского, где он в юности читал свои стихи. Поэт выступал спокойно, связно и живо лился его монолог. Память ему отказала, когда он читал «Бабий яр». Выдержав долгую паузу, слушатели решили ему помочь. В разных концах зала повскакали с мест женщины, перебивая друг друга, стали читать стихотворение дальше.

Мне очень хотелось встретиться с Евгением Александровичем и подарить ему мою книгу, где есть стихи о нём и о поэтах с «таинственной страстью» (так назвал их В.Аксёнов в своей книге) – его друзьях шестидесятников. Они ушли, но остаются в нашей памяти. 22.06.2017. Вена.

«Декабрьские вечера» в ГМИИ, посвященные 100-летию Б.Пастернака. Фото Виктора Ахломова, 1989 г.

«Декабрьские вечера» – ежегодный фестиваль музыки и живописи проводимый в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Впервые фестиваль был проведён в 1981 г. по инициативе пианиста Святослава Рихтера и директора Музея изобразительных искусств И.А. Антоновой **1989 год. «Мир Пастернака»**

В программе Ф. Шопен, И. Брамс, А. Скрябин, С. Губайдулина, Э. Денисов, Н. Каренников, А. Шнитке; поэзия и проза Б. Пастернака. Участвовали поэты: Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Лев Озеров.

Анатолий Бердичевский

доктор педагогических наук
профессор Университета
прикладных наук
Вена

УЧИТЬ ПО-РУССКИ

Евтушенко в Оклахоме

Я познакомился с Евгением Евтушенко в 2006 году, когда проводил мастер-класс для учителей русского языка в Талсе (Оклахома). Его жена Мария была на этом мастер-классе и пригласила меня к ним в гости.

Моему волнению не было предела: я познакомлюсь с самим Евтушенко! Так мы познакомились и ежегодно встречаемся в Москве на дне рождения Евгения Александровича в Политехе, с которым он подписал договор о том, что все дни рождения будет отмечать именно там.

Он стал одним из символов нашей молодости.

Я вспоминаю шестидесятые, когда мы, студенты, бегая в Политех или на Маяковку на Евтушенко или Вознесенского, мечтали о том, что на деньгах будет не Ленин, а наши кумиры: «И зайдя в ресторан или в столовую, / В магазинах знакомясь с расценками, / Мы достанем булаловку новую / Или будем звенеть евтушенками!».

Когда я был у него в гостях в Талсе и присутствовал на его лекции в переполненном зале, ко мне после лекции подошел декан факультета и попросил поговорить с Евгением Александровичем о том, чтобы он не привлекал так много студентов, потому что из предлагаемых шести спецкурсов все выбирают его, а остальные преподаватели остаются без работы. Я ответил, что об этом не могу с ним говорить, а студенты вправе сами выбирать преподавателя.

Время Евтушенко не прошло, оно в другом измерении только сегодня начинается. Стадионы, конечно, не вернутся, да они и не нужны. Но будут поэтические вечера собирать легендарный зал Политехнического, большие залы в других городах страны или поэты по-прежнему будут выступать в небольших аудиториях друг перед другом – вот в чем вопрос.

Евгений Александрович Евтушенко страстно хотел первого, ибо русскую поэзию в целом он любил гораздо больше, чем себя в поэзии. Об этом говорили многие и в часы гражданской паник иды и на поминках. И еще: в эти прощальные дни нередко при одялось слышать по ТВ и встречать, особенно в Фейсбуке, фразу – «в начале 90-х Евтушенко эмигрировал». Но я ни одной минуты не считал и не считаю его «эмигрантом», как и он не считал эмигрантом себя. Ну давайте тогда и Тургенева, прожившего основную часть жизни во Франции, тоже считать эмигрантом? Люди, близко знавшие Евтушенко, понимали, что вся его жизнь обращена к нашей стране, он жил нашими новостями, болел нашими проблемами, волновался тем, что волновало нас.

Кто-то назвал Евгения Евтушенко «псевдонимом

Евгений Евтушенко в аудитории Университета в Талсе.

В центре Евгений Евтушенко, слева А.Л.Бердичевский.

времени», поэтому теперь Евтушенко может быть не только именем собственным, но и именем нарицательным – «евтушенко». И можно теперь в «евтушенко», наверное, измерять поэзию: «эти стихи – 2 евтушенко, а эти 5». Измеряют же силу тока в «ампер».

Позволю себе напомнить всеми любимое и широко известное стихотворение-песню «Идут белые снеги...», а точнее – гимн любви к России поэта Евгения Евтушенко, которое кто-то даже предложил объявить государственным гимном России: «Быть бессмертным не в силе, / но надежда моя: / если будет Россия, / значит, буду и я».

**Примечание от редактора. Строки из пародии В.Дьяковичного и М.Слободского. В оригинале – «мы достанем "софроновку" новую», – но писателя Анатолия Софронова – лауреата Сталинской премии, секретаря Союза писателей, редактора «Огонька» давно и прочно забыли.*

Валерий Д. Руденко
Пекин

Китайская премия русскому поэту

Поэтическая премия за выдающиеся произведения была учреждена крупной компанией ЗК, принадлежащей известному китайскому бизнесмену Хуану Нубо, который и сам принадлежит к поэтической братии (его литературный псевдоним Ло Ин). Эта премия присуждается не только китайским, но и зарубежным поэтам. В их числе были и Евгений Евтушенко, который несмотря на гигантские расстояния прибыл в Пекин, чтобы получить заслуженную награду.

Церемония награждения проходила в одном из залов, выдержанном в традиционном китайском стиле, в крупнейшем и старейшем университете Китая "Бейда". Собравшиеся с нетерпением ждали появления прославленного русского поэта. И вот наконец в дверях появился Евгений Евтушенко в сопровождении своей верной спутницы Марии Новиковой. Видно было, что Евгений передвигается с трудом.

Однако его твердый характер позволил ему преодолеть боль и довольно бодро держаться на публике. Моя жена Ли Ялань подошла к знаменитой паре, поздоровалась и провела их к первому ряду. Вскоре появился посол РФ в КНР А.И. Денисов. Он сел рядом с Евгением, завязалась оживлённая беседа. Спонсор премии и организатор церемонии Хуан Нубо скромно сидел в одном из последних рядов и издали наблюдал за происходящим. Со вступительным словом выступил поэт Джиджи Мадзя и Посол РФ в КНР Андрей Денисов. Премию вручил один из мэтров китайской поэзии Евгений Александрович был тронут до глубины души, он всю церемонию стоял, хотя Мария несколько раз предлагала ему кресло. «Я буду стоять, кресла не надо!» – твердо ответил поэт.

Под бурные аплодисменты всех присутствующих, Евгений прочел несколько своих известных стихотворений, которые синхронно были переведены на китайский. Следует отметить, что Евтушенко в среде китайских поэтов считается признанным классиком и образцом для подражания, ибо в китайской поэзии произошли существенные изменения не только в стилистике и способе подачи темы, но и в чисто графическом плане. Так, например, традиционная форма китайского стиха в виде квадратного блока иероглифов уступила место форме, которую можно причислить к стилю верлибр, то есть ни квадрата, ни рифмы.

Вспоминая выступления Евтушенко,

невозможно не отметить, что стоит ему начать читать, как перед нами во весь рост встает человек-трибун, человек, голос которого в свое время потрясал трибуну московских Лужников. Он мгновенно преображается, на глазах меняется его возраст, блеск молодости перекрывает всё. Перед нами вновь Женька 50-х и 60-х, ни в чем не изменившийся с той поры.

Вместо серьезного американского профессора возник хулиганистый молодой человек, влекущий к себе и взывающий к нам всем. По завершении церемонии состоялся торжественный обед в ресторане университета. На обеде присутствовал посол РФ, известные представители китайского поэтического общества, ректорат университета. На следующий день, 15 декабря, Хуан Нубо пригласил Евгения с супругой к себе в гости, в дом неподалеку от Пекина. На встрече в узком кругу были профессор Лю Вэнфэй, я с супругой Ли Ялань – известной литературной переводчицей, и переводчица из посольства Анна Янгель (внучка знаменитого конструктора). Евгений поблагодарил за вручение премии сказав, что он хотел бы на будущий год совершить концертное турне по Китаю. Хуан Нубо ответил, что это вполне осуществимо. Я прочел три его стихотворения в переводе на русский. Евгений сказал: «Хорошие стихи. А на китайском они зарифмованы?» – «По-разному».

У Хуана Нубо на месте домашнего гаража устроен небольшой зверинец – это две весёлых обезьяны и два огромных амазонских попугая, Евгению была в диковинку подобная страсть к экзотическим животным.

Я в основном общался с его женой Марией. Она мне рассказала, что они живут в Оклахоме в собственном доме. Она преподаёт русский язык в средней школе (хайскул), он читает лекции по литературе. Русского окружения нет. Есть только баптисты и адвентисты 7-го дня, с которыми они контакта не поддерживают.

Мне сильно запомнилось, как в разговоре с моей женой Ли Ялань Евтушенко заявил: «Я не стал брать американского гражданства. Потому что я сейчас, как и раньше, принадлежу России. И это навечно». Простые слова, но они отражают глубоко гражданскую позицию поэта. Он был русским и ушел от нас так и оставшись русским.

На фото:
рядом с Евтушенко Хуан Нубо (Ло Ин),
стоит Валерий Руденко.

Джиди Мацзя

заместитель председателя
Союза писателей Китая
Пекин

Исполнин эпохи противоборства и примирения

Памяти

Е. Евтушенко

Еще в 80-х годах прошлого века мне стало знакомо имя Евгения Евтушенко. Это были лучшие годы моей молодости, помнится, мне было не более 20 лет. В те годы в Китае как раз начиналась политика реформ и открытости, поэтому в мыслях людей возник разнобой, самые разные идеологические течения, переплетаясь между собой, заполнили нашу страну. Это особенно было заметно в области поэзии Китая. Новые тенденции в ней еще не улеглись и продолжали свое развитие. Дело в том, что любовь к поэзии и служение ей можно сравнить с тем, как человек предается какому-либо религиозному культу. Я в те годы, бесспорно, относился к самым молодым людям, развивавшим активнейшую деятельность в этой области. Вот в такой очень особой обстановке я и прочел стихи русского советского поэта в переводе на китайский язык, это и был Евгений Евтушенко. Глубже всего меня поразили его стихи, написанные в начале 60-х годов прошлого века, позже они начали звучать во всех странах мира, — «Долина женщин». Конечно, в тот же период я уже читал произведения поэтов, «громко взывающих к миру». Но можно сказать, именно начиная с тех лет, я стал особенно пристально следить за творчеством Евтушенко. Не было его стихов, переведенных на китайский язык, которые я бы не прочел. Его поэма «Мама и нейтронная бомба» отражает общие для всех поэтов мира мысли и раскрывает широчайший горизонт его мировоззрения. Бесспорно, что для Китая того времени среди живых русских советских поэтов, оказывающих наибольшее влияние, Евгений Евтушенко занимал первое место.

Возможность посетить Россию в составе делегации китайских писателей появилась у меня уже после распада Советского Союза, в самом конце прошлого века. Принимал нашу делегацию Союз писателей СНГ. Помню, что в тот раз я высказал желание встретиться с Евтушенко, но мне ответили,

что Евгений в настоящее время в США, где преподаёт русскую поэзию 20-го века. Евтушенко был поэтом известным не только в России, пользующимся славой во всем мире, но одновременно для многих он был поэтом, вызывающим ожесточённые споры. Позже я на многочисленных международных поэтических форумах, где поэты обмениваются мнениями между собой и ведут диалог, часто слышал, как в кулуарах, приватно обсуждая Евгения, говорили о нем немало и хорошего, и плохого. Но эта ситуация не повлияла на мою любовь и уважение к нему, мое отношение осталось неизменным. Я люблю и уважаю Евтушенко вне зависимости от того, как он поступал и действовал в реальной жизни, и потому мне непонятно, как у некоторых людей возникало неправильное понимание его поступков, доходящее до нелепой фантастики. Я люблю и уважаю этого поэта за то, что его произведения глубоко затронули мою душу, ведь во многих стихах, вышедших из-под его пера, звучит сочувствие к слабым мира сего и его любовное отношение к людям разных рас. Вот по этой причине я никогда не изменял о нем своего мнения, которое сложилось давным-давно. Я не мог даже представить себе, что мне выпадет случай лично встретиться и познакомиться с Евгением Евтушенко.

Но судьба распорядилась по-своему. В конце ноября 2015 года Евтушенко прибыл в Китай для получения одной из престижных китайских премий в области поэзии — литературной премии, учрежденной компанией «Джун Кунь». На том собрании и произошла долгожданная встреча. Но на

самой церемонии присутствовало очень много поклонников поэта, и мне не удалось побеседовать с ним, мы лишь обменялись друг с другом обычными приветствиями. И в этот раз, когда мы встретились взглядами, у меня сразу появилось четко выраженное ощущение родства, которое редко возникает между людьми. Казалось, что наши души настолько близки, что и без слов мы в одно мгновение почувствовали симпатию друг к другу. Скорее всего это было веление самой судьбы. На мое счастье известный переводчик с русского языка, ученый-культуролог профессор Лю Вэньфэй устроил у себя дома небольшой прием. Не только для того, чтобы познакомиться поэта с настоящей китайской кухней, но дать ему возможность пообщаться в

Джиди Мацзя и Евгений Евтушенко.

неформальной обстановке. У нас с Евтушенко не было никакой предварительной договоренности о теме и содержании беседы, поэтому мы говорили друг с другом без ограничений. По своей продолжительности наша беседа напоминала маршфонский забег, она длилась более 4 часов. Все сказанное супруга профессора Чэнь Фан успела записать на пленку. По своей профессии Чэнь Фан, как и ее муж, русистка, она же стала для нас и переводчицей.

Позже наша беседа была опубликована в одном из самых лучших литературных журналов Китая «Писатель». Эта публикация позволила китайскому читателю лучше узнать и увидеть Евтушенко в реальном 3D объеме. Диалог вызвал огромный интерес у многих известных китайских писателей и поэтов. Литературная эрудиция Евтушенко вызвала у них изумление и восторг. Эта запись помогла им по-другому взглянуть на поэта и понять некоторые известные эпизоды из его жизни и противоречивые отношения с другими выдающимися личностями. Меня самого эта беседа, которая казалась мистически-вошпелной, еще раз убедила в

правильности того, что я никогда не отступал от первоначального мнения о нем. Евгений действительно мудрый, многосторонний человек. Когда слушаешь его непрерывно льнущую речь, то забываешь, что перед тобой человек, перешедший черту 80-летия. В его глазах то и дело вспыхивают искорки света. За всю жизнь мне мало приходилось встречать людей, обладающих такой же феноменальной памятью, как у Евтушенко. Я говорю «феноменальная память», потому что в течение всего разговора он перебирал столько подробностей, называл массу деталей, служивших фоном. Его речь пронизывал юмор, он очень образно характеризовал события и все это с глубокой искренностью. За время нашего общения я не заметил в нем ни единой нотки фальши или какого-то проявления гордыни. Это особенно бросалось в глаза, когда он рассказывал о своих личных переживаниях и об эпизодах биографии. Но в эти моменты в его глазах я ловил мимоходом проскальзывающие печаль и сожаление. Вначале я не хотел затрагивать некоторые темы, но атмосфера нашей встречи была настолько теплой и близкой, что я задал несколько вопросов, на которые он, может быть, и не хотел отвечать. Но меня глубоко тронуло то, что он

открыл мне свою душу, не пытаясь прикрываться общими словами. Евтушенко побывал во многих странах мира, его можно назвать истинным патриотом, но одновременно его можно назвать гражданином мира. Через несколько дней после этой встречи профессор Лю Вэньфэй спросил меня: могут ли я в нескольких словах обобщить свои впечатления о встрече с Евгением? На что я, не задумываясь, ответил: это исполин эпохи, можно сказать, что он один представляет всю эпоху, в наши дни уже трудно встретить другого человека, подобного ему.

Мне довелось пообщаться с Евгением Евтушенко всего лишь один вечер, но мы сумели глубоко понять друг друга, обменялись мнениями по целому кругу вопросов. Здесь уместно привести цитату из предисловия, написанного им для моего стихотворного сборника на русском языке: «Я провел с

ним всего один вечер, но этот человек был незабываем. Сколько в нем одной любви к человечеству — что на нас всех вполне хватит. Это своего рода китайский Уолт Уитмен».

Но жизнь человека идет своим чередом, каждый день кто-то приходит в мир, кто-то уходит навсегда. Я был в поездке, когда от профессора Лю Вэньфэй получил скорбную весть — Е. Евтушенко 1 апреля 2017 г. скончался в США. Чтобы излить охватившую меня скорбь, я через Лю Вэньфэй послал супруге Евтушенко Марии краткое соболезнование:

«Евтушенко имеет знаковое значение не только для постсоветского пространства и России, но еще более важно то, что он в 20-м веке в период «холодной войны» был единственным великим поэтом, который смог своими стихами объединить два лагеря — Запад и Восток. Его смерть — как новый звук колокола, призывающий людей не терять уже достигнутого, продолжать дальше вести диалог, прокладывать мосты и взаимно уважать мир, построенный другими. Сегодня это проблема более важна, чем когда-либо в другой исторический период».

Премия вручает Председатель жюри Международного конкурса поэтов, профессор Пекинского университета, директор НИИ китайской поэзии Се Нянь.

Достоин восхищения его мужество. В последние дни жизни Евгений написал предисловие к моему сборнику на русском языке «Всеобнимающая поэзия». Возможно, что это стало его последним письменным наследием.

Как поэт Евгений Евтушенко вечен, он останется живым на все времена. Его творчество бесспорно уже стало частью общемирового исторического, поэтического наследия человечества.

Я уважаю Евгения Евтушенко, как уважают отца, уважаю его как старшего собрата по перу. Поэтом, Евгений, пока твоя душа будет находиться на пути в лучший мир, разреши мне в горах Юго-Запада Китая, согласно древней традиции моей нации, исполнить тебе прощальную песню перед долгим путем, ведущим в Вечность! Я уверен, что звуки моей песни дойдут до тебя и ты услышишь их!

Нина Зарецкая

кандидат филологических наук
ДООС – art-стрекоза
Нью-Йорк

«Нина, это чудесный, простой и прозрачный фильм, который достоин, и я уверен, будет жить всегда, незаменимый и для школ и колледжей. Я также прошу Вас переправить копию в мой музей и разрешить его показывать всем посетителям. Целую Вашу руку. ЕЕ»
(Из письма Евгения Евтушенко о документальном фильме Нины Зарецкой «Зашумит ли клеверное поле», снятом к 80-летию поэта).

Честно говоря, я сначала не знала, как к этой сложной и многогранной фигуре подступиться. Стала разбираться в своих чувствах, пересмотрела кучу фильмов о нем – многие из них похожи друг на друга, как близнецы-братья. И поняла, что могу сделать фильм только о том, что считаю для себя однозначным в этой личности. А именно: Евгений Евтушенко – безусловно гениальный лирик. Не случайно его стихи переведены на 72 языка. Нужно было найти для фильма какую-то особую ноту. И мне показалось, что я ее нашла: я решила сделать фильм очень личностный, лирический и пронзительный, чтобы задеть людские души.

За скобками я сознательно оставила его социальную, политическую, публицистическую и прочие виды деятельности. В фильме Евгений Александрович размышляет о дружбе, о предательстве, о любви к женщине, поэзии, родине. О главном – о жизни и о смерти. Очень боялась снятый фильм показать ему самому – вдруг что-то не понравится, вдруг покажется слишком откровенным, интимным, неуместным. Или же ему будет неприятно, что фильм пронизан темой смерти и боли. Но он, к счастью, все воспринял адекватно.

Я поняла, что в фильме должны звучать не только стихи Евтушенко (что очевидно), но и много тех песен на его слова, которые хорошо нам всем знакомы. Конечно, выбор был большой, ведь на слова Евтушенко написано столько песен! Евгений Александрович – прекрасный поэт-песенник, с ним работали многие замечательные артисты. Вместе с моим многолетним музыкальным редактором Надеждой Андреевой мы переслушали сотни песен прежде, чем сделать окончательный выбор. Например, отобрали знаменитую «Сомноу вот что происходит» на музыку Микаэла Таривердиева, которую чудесно исполняет Сергей Никитин. Эти стихи посвящены первой жене поэта – Белле Ахмадулиной. Ну как же было без этой вещи обойтись?!

Думая о музыкальном решении нашего кино в целом, мы пришли к выводу, что музыка Андрея Эшпая наиболее подходит настроению фильма. Мы не раз были в гостях у Андрея Яковлевича и отобрали много его произведений, которые впоследствии использовали. Прослушав массу записей, в качестве лейтмотива остановились на песне «Зашумит ли клеверное поле...» в версии Геннадия Каменного, как идеально отвечающей замыслу и стилю фильма. Сначала я ее слушала в исполнении Людмилы Гурченко. И, кстати, когда мы с Евгением Александровичем

потом говорили о фильме, он спросил: «Почему не Гурченко поет?» Ему, как и очень многим (включая меня), эта песня нравилась в ее исполнении. Но в данном случае мне как раз не хотелось эстрады... Мне хотелось, чтобы звучал как бы внутренний голос Евтушенко, поэтому звучание должно было быть, можно сказать, интимное. И мы нашли эту песню в исполнении Геннадия Каменного.

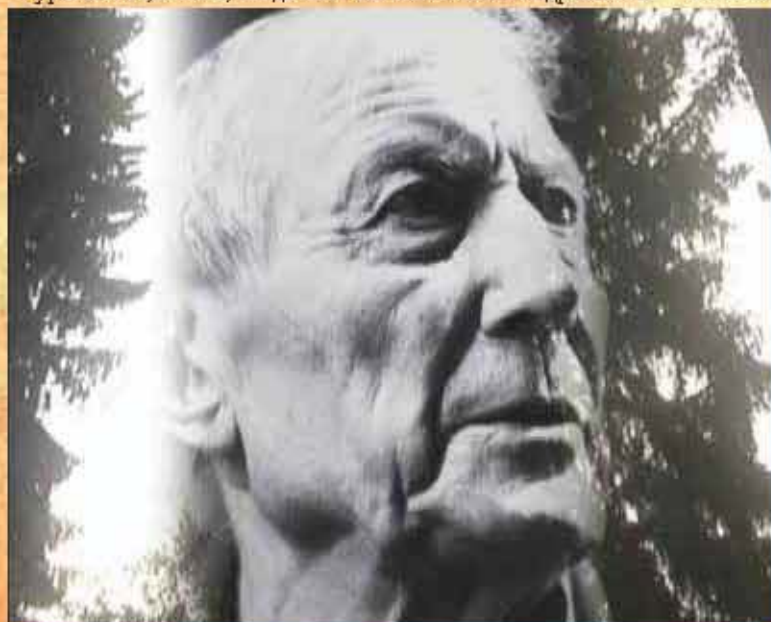
Зашумит ли клеверное поле,
Заскрипят ли сосны на ветру,
Я замру, прислушаюсь и вспомню,
Что и я когда-нибудь умру.

Этими строчками начинается фильм, и эта тема проходит главной нитью через все его тридцать девять минут.

Начала я работу над фильмом в 2010 году, а первая наша беседа состоялась в 2011-м, в июле, когда ему стукнуло 79 лет. Беседовали долго, около трех часов. В тот год он с огромным успехом выступал на своей любимой площадке, в Политехническом музее, и я была потрясена, с какой тщательностью он готовился к выступлению, и с какой любовью к нему по-прежнему относилась публика, причем не только люди постарше, но и молодежь, студенты. Он уже тогда неважно себя чувствовал, уже тогда у него были проблемы с ногами, и он с трудом ходил. Но на сцене оживал. Его голос звучал так мощно и выразительно, что казалось –

перед вами полный сил необычайно артистичный молодой человек. У Евтушенко был подписан контракт на ежегодные выступления в день своего рождения (18 июля) в Политехническом музее на 25 лет. К тому времени лет пять еще оставалось, хотя как он сам говорил, ему и двадцати было бы мало.

Наши основные съемки проходили в «Музей-галерею Евтушенко в Переделкино», который Евгений Александрович открыл в 2010 году. Это деревянное сооружение расположено на территории его дачи. Поэт передал в музей много работ, подаренных ему выдающимися мастерами – Максом Эрнстом, Пикассо, Шагалом, Сикейросом, а также Олегом Целковым, Юрием Васильевым и другими отечественными художниками, с которыми он дружил. Большим откровением на съемках стало для меня его отношение к тем работам, которые висят у него в галерее. Было удивительно наблюдать, как он

Кадр из фильма.

каждую из них любит, помнит, знает их историю.

Еще он любил фотографировать. Коллекция из трехсот его фоторабот также выставлена в Музее-галерее. Очень интересно и отношение Евгения Александровича к тем людям, которые становились героями его фотографий. В основном это портреты пожилых людей со станции Зима, откуда он сам был родом. Рассматривая их, я поняла каким талантливым он был фотографом. Талантливый человек талантлив во всем! Он мог и фильмы снимать, и играть в этих фильмах. Актер-то какой он был замечательный!

И потрясающий трудяга. Работал постоянно, всегда и везде, где бы ни был. Работа волновала его в первую очередь, о ней он всегда и говорил. Побольше написать и опубликовать. Успеть! Он был чрезвычайно активен. Звонки, встречи, поездки. В России всегда был нарасхват. Его всегда раздражал вопрос: «Почему вы уехали из России?» Я его, кстати, не задавала. Зная, что он давно преподаёт в г.Талса, штата Оклахома, я, естественно, должна была его об этом спросить, ведь зрителям же интересно узнать. Но так как я много насмотрелась и начиталась бесед с ним, я знала уже, что он не любит такую постановку вопроса. Поэтому задала похожий вопрос, но немного по-другому, что-то вроде: «Давно ли вы живёте в Америке?»

И Евгений Александрович ответил с металлическими нотками в голосе: «Вот, хорошо, что вы задали этот вопрос! Не живу я в Америке! Я живу в России, а там я работаю». И вот это было его credo.

Евгений Александрович всегда ощущал себя русским поэтом и русским человеком. Он настаивал, что никогда не уезжал из России, что вовсе не переехал в США. А где физически находится – разве это так важно? Безусловно, он знал, что Николай Гоголь, Александр Иванов, Иван Тургенев, Максим Горький – список можно продолжить – жили подолгу в Европе. Но ни у кого в мыслях нет не считать их деятелями русской культуры. Да, Евгений Александрович преподавал в США, но русский паспорт сохранил, а американское гражданство, как сам мне говорил, никогда не получал. Он искренне считал, что живёт в России. Правда, когда ему пришлось серьезно лечиться, включая операции, он еще больше, чем раньше, стал зависеть от Америки.

Он много говорил про свой проект «Антология русской поэзии», которым очень гордился. У него был прекрасный вкус в поэзии. И он был, как сейчас бы сказали, толерантным судьёй, то есть, принимал и ценил разные направления в поэзии. Он считал себя обязанным составить и издать антологию всех веков русской поэзии, работал над этим до последнего дня, считал это своей миссией, так же, как верил, что его миссия – преподавать студентам разных национальностей русскую культуру. В фильме я оставила

Кадр из фильма.

вот эту фразу, которая была сказана в связи с Иосифом Бродским «Даже если я чувствую, что меня предали, то составляя антологию поэзии, я все равно этого человека, если он хороший поэт, включаю в сборник, и выбираю самые лучшие его стихи. Я не позволяю себе никакой мстительности по отношению к людям.» И, как я поняла из общения с ним, он действительно так и поступал.

Надо сказать, ему очень хотелось высказаться по поводу Иосифа Бродского, и, конечно, мы с ним об этом много говорили. Евгений Александрович очень по этому поводу переживал. Если бы у меня был большой фильм (или серия фильмов) и я бы могла развить тему «Друзья», естественно, там было бы и о Бродском. В моем фильме эта тема только мелькнула. Но те, кто в курсе их отношений, все поняли.

Фильм в результате получился грустный. Многие мне потом об этом говорили. Но мне и хотелось сделать печальный фильм, хотелось, чтобы люди плакали. Потому что мне было его на самом деле жаль как личность. В то время, когда я работала над фильмом, многие еще говорили с кривой ухмылкой: «Ой, да ну, Евтушенко...». Еще муссировались слухи, что он в КГБ работал, хотя это совершенно точно уже опровергнуто. На самом деле, о нем вот еще в 2010-2012 годах были какие-то не очень лестные мнения, скажем так. И не только с точки зрения качества поэзии. Понятно, что у него поэзия, может быть, действительно проще, чем у Бродского или у Пастернака. Но, по-моему, она просто сильнейшая! Он был очень тонкий лирик, как Пастернак, которого обожал, и, вместе с тем, трибун, как Маяковский. И в моей памяти Евгений Евтушенко навсегда останется **последним из могокан эпохи поэзии стадионов.**

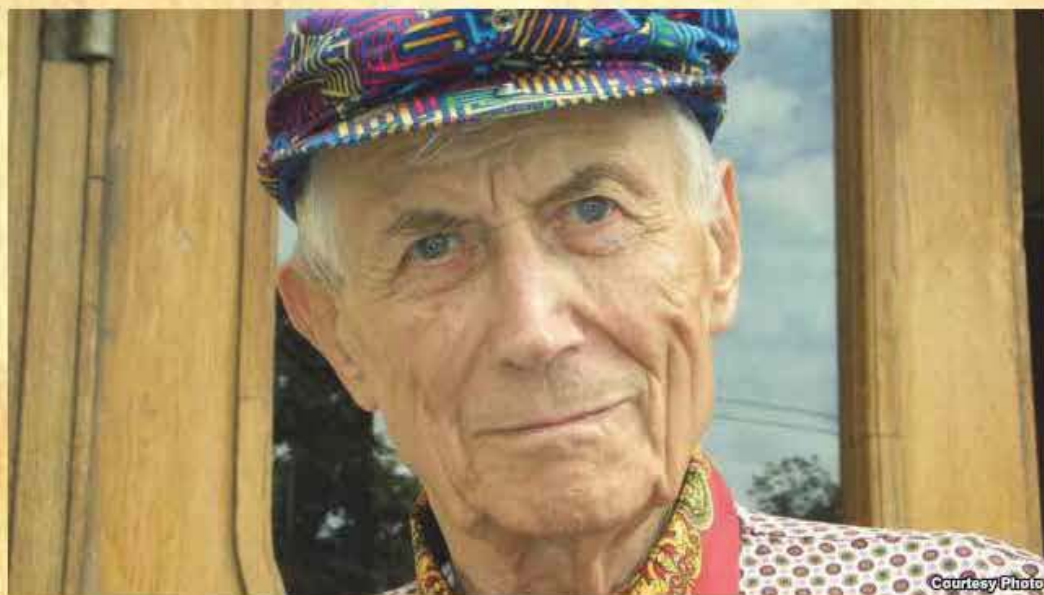

Фото Нины Зарецкой.
Сделано в первый день работы над фильмом после выступления Евгения Евтушенко в Политехническом 2011 г.

Маргарита Аль
ДООС – стрекоза Аль

Год назад я была в Луганске. Весь ужас войны нещадно прошёлся по этому городу, по людям, по поэзии, по птицам, памятникам. / в небе стрижи встревожены / нет разомкнутых рук... /, написала я в первый же день. И уже целый год каждое выступление начинаю с молитвы матери / сегодня никто не убит / сегодня никто не убил / и завтра бы продержаться /и завтра бы устоять / так важно и завтра сказать / сегодня никто не убит / сегодня никто не убил /.

И вот спустя год я приехала в Донецк. Всё те же выстрелы и звуки разорвавшихся бомб доносятся по ночам над Донбассом. Сводки об убитых и раненых. Те же вопросы – а не страшно ли вам?

Поэты Владислав Русанов, Маргарита Аль, Анна Ревякина
(фото из личного архива М.Аль).

Но, кажется, что-то всё-таки изменилось. От войны устал не только мир, но и война устала от войны. Не только миру, но и войне нужна передышка. И у войны, и у мира закончились «патроны». Дым слегка рассеялся и смерть, победоносно шествовавшая и с той, и с этой стороны фронта, перестала быть панацеей побед. Смерти уже никто не боится, как не боялся её в мирное время, не боится так, как не боются дети и старики, верящие, что человек никогда не умрёт. Белоснежные рубашки мужчин и алые губы женщин, чистые, выскобленные улицы, не избитые, но скромный достаток и русская речь со своими горловыми интонациями. И стихи, ещё о войне, но всё чаще и чаще о любви.

Поэты Владимир Скобцов, Маргарита Аль
(фото Михаила Афонина).

ОНЕЦКД!

не удивись
не испугаешь
здесь стих как гонг
единственная речь
и звезды здесь не звёзды
осколки бомб
осколки веч
ности

война и мир
 мир и война
 восторг
 забвение
 и вновь восторг
 распахнут горизонт
 со всех сторон распахнут горизонт
 и свет летит на зов
 и тьма скользит атласным покрывалом
 и дух сорвавшейся звезды
 вопит
 как зверь вопит сорвавшийся с цепи
 и я ору
 слова

[illegible]

здесь и сейчас
развёрнут круг в струну
здесь и сейчас развёрнута страна

любовь моя и боль моя и страх
застывшей лавой слёз
пульсирует в груди
и тает на глазах
и я ору

упёршись горлом в небо
Онецкд!

О хайрэ! хоз! гоньо!

арыц изньж
огбь мертвс
ушадь одр
укамирь бнято
льеа льеа убыг

Ору
Онецк! Круганс! Аодесс! Вкие! Жпари!
Амоск! Нвашингто!
ору раскинув руки и слова

Александр Вепрёв

лауреат фестиваля ЛифФт-2017

Сочи

Культурный уровень
На самом деле патриотизма надо немного,
всего-то в одну строчку...

БУКВЫ

Оказывается,
стоит повнимательней посмотреть на буквы своей фамилии,
немного подумать,
подвигать буквы, попереворачивать...
как вдруг тебе открывается
даже то,
о чем бы ты никогда
самостоятельно не додумался.
Каждому человеку
с рождения даётся код,
даются линии жизни
и прочие метки,
по которым пойдёт его жизнь.
Надо-то только
повнимательней посмотреть
на буквы, линии, метки...
Попереворачивать,
по-всякому
повыворачивать...

02.06.17. Сочи

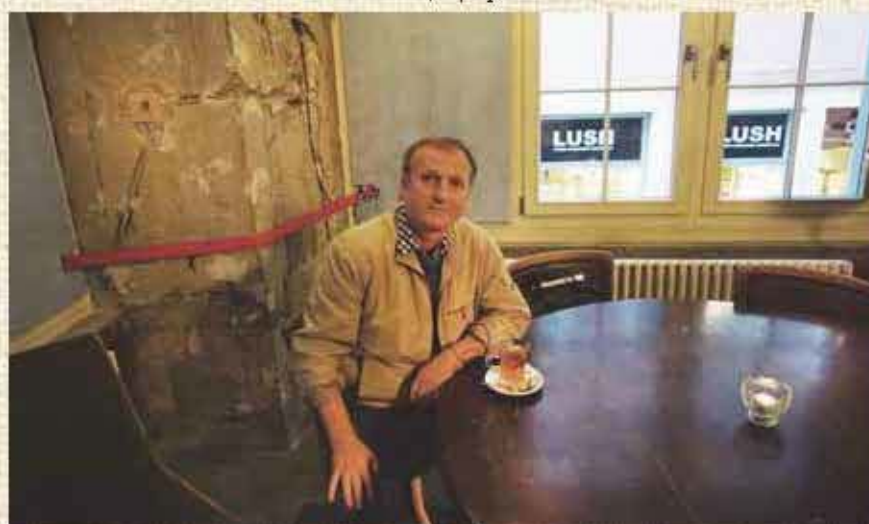

ГОЛОВА РЕБЁНКА

К 100-летию ДАДА

Если коренному жителю Цюриха указать на камень,
вбитый в городскую дорогу, житель с восхищением скажет:
— О да, это исторический камень! — И, вероятно,
скорее всего, присядет на дороге и погладит этот камень,
будто голову ребёнка...

2016, Цюрих

Александр Вепрёв отмечает 100-летие ДАДА в «Кабаре Вольтер» (один со стаканом чая и кусочком лимона). Цюрих, Швейцария. Сентябрь, 2016 г. За этим столом в сентябре 1916 года основоположник дадаизма Тристан Тцара играл в шахматы с основоположником ленинизма Владимиром Ульяновым Лениным.

Баржа

1.

Как по заливу-океану
ходила баржа,
как эсминец,
но походила всё ж на ванну,
полощут где одежды ситец...
И холод выстиранных
простынь.

2.

Как по заливу-океану
толкали баржу
два судёнка
Они визжали и гудели,
как два плывущих поросёнка...
В железных рыцарских
доспехах.

3.

Как по заливу-океану
возила баржа
груз испанский,
затем германский и турецкий,
потом китайско-африканский...
И даже числился в реестре —
груз баклажанский.

4.

Как по заливу-океану
возила баржа
груз мздоимца,
но про себя решила баржа,
что далеко ей до эсминца...
И с тяжким грузом
затонула.

5.

Как в том заливе-океане
подняли груз
матрос, мздоимец...
Ну, а на дне осталась баржа,
как сбитый турками эсминец...
Точней — в бою морском
подбитый.

6.

На дне залива-океана
лежала баржа,
как эсминец,
и походила не на ванну,
полощут где одежды ситец...
А на потопленный
эсминец!

НАНИЖЕН

Из, ию, ня, Иж
Иже или же Маймыж...
Множиг-брожит Жев и Ржев,
Иж нанижен на Ижевск.

Шесть стихотворений в одном

Жасмин Святого Андрея

Фото Елены Кацюба. Вознесенский переулок, 2017 г.

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Поэт Андрей Вознесенский, архитектор, на подходе к 70-ти годам задумал построить храм в селе Захарове Московской области. Там когда-то жила бабушка Пушкина Мария Ганнибал. Проект увиденный во сне, так он во сне и остался, но сохранилось фото бумажной модели – здание храма находится в центре спирали, которая, разворачиваясь, как бы обнимает его белым крылом

В се же никогда не угадаешь, как может воплотиться мечта, если она возникла у истинного поэта.

Психолог Карл Густав Юнг считал, что в природе действует универсальный творческий принцип, который таинственным образом упорядочивает события, не имеющие между собой ничего общего ни во времени, ни в пространстве. Он назвал это явление синхроничностью. В от таким образом синхроничность возникла в самом центре Москвы, где в Вознесенском переулке расположена церковь Святого Андрея – Saint Andrew, англиканская.

Построили ее в конце XIX века. В то время англиканская община в Москве стала такой большой, что единственная часовня не вмещала всех прихожан. Прихожане собрали

пожертвования, построили церковь и освятили ее в честь апостола Андрея – покровителя Шотландии. Ведь шотландцы были наиболее уважаемые и богатые члены британской общины в Москве.

В октябре 17-го года большевики установили на самой высокой башне пулемет, чтобы остановить войска Временного правительства. В 1931 г. церковь закрыли и на полвека превратили в склад. В 1960 году туда вселилась студия грамзаписи «Мелодия». Только в 1994-м, после визита в Москву королевы Елизаветы II, храм был возвращен англиканской церкви.

И переулок, в советское время улица Станкевича, снова стал Вознесенским.

Фото Константина Кадрова.
Вознесенский переулок, июль, 2017 г.

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

Вот стихотворение, написанное как отклик на житейские трудности 1973 года, Андрей Вознесенский спас меня тогда от повторных визитов милиции, обвинений в тунеядстве и угрозы насильственного трудоустройства. По его настойчивой рекомендации я проработал 3 года – с 1974 по 1977 г. – литературным консультантом издательства «Молодая гвардия» в журнале «Студенческий меридиан».

и имеющий уши
да не услышит
телефон лучше вынести
в коридор...
вы наивны, мой друг,
говорите потише –
с тишиной в унисон!
мой ребёнок –
беспомощный поплавок
и дрожит как молитва
на поверхности мига...
так колеблется ветром
цветок полевой
и виски обмирают
чтобы не было вскрика
оттого я ушёл
как улитка в себя,
и улыбка застыла
как в зашторенном
зеркале –
суеверна печаль
может сглазить судьба
да и случай
готов исковеркать...
все мы в стенах
которые как шелуха
отпадут, обнажая
пустоту или семя...
будто осенью лес
высох вдруг на ухналь
и стоишь растерявшись
на воздух глаза...
но имеющий очи
узрит без сомненья

каждый узел –
как почка –
в ней побеги и взрыв!
в ней и лист, и змея,
в ней благословенье
древа жизни в раю
и изгнание в жизнь!
и под тоненькой корочкой
лава таится,
но куда ей бежать –
кляп в жерле
как броня!
но куда улететь
закольцованной птице? –
не растут её кольца
как у мёртвого пня
оттого и пишу
в долгий ящик-совёнок
замирает душа
ободком поплавок
лишь безмерное небо
для молитвы свободно
отвергающей страх
от звонка до звонка
несмотря на весь ужас
расстрелы, погромы! –
Бабий Яр, Воркуту
и Норильск...
Вы оглохли, мой друг,
говорите погромче –
в резонанс!..
пусть имеющий очи
увидит, очнётся!
а имеющий веру
свою душу спасёт!
а иначе провал,
прорва адская, пропасть,
и татарское иго,
и вечный позор!..

Этим летом шли мы Вознесенским переулком, и вдруг нас просто настигла и накрыла волна аромата – невероятные, огромные кусты жасмина во дворе церкви. Зелено-белое облако, оно всеми ветками тянется к храму – обнять его трепещущим крылом. Будто именно об этом месте написал Вознесенский в поэме «Возвратитесь в цветы»: «Вам покажет жасмин постгодаровский / Бог из дальней своей кинобудки». Да нет, скорее сам поэт устроил нам этот сеанс. Под кустами жасмина сумрачно и прохладно, будто в пещере – сакральной кинобудке, откуда поэтический кинчик транслирует свое цветочное действо.

Каждый шпиль храма – луч
где на крыше Андрей среди туч
громы-молнии гонит прочь
яснеет день по слову апостола рыбакова
Во дворе жасмин – из белых блюдец
поит ароматом улицу
вдох – глоток
прядется душистый моток
зеленых и белых нитей
плетет жасмин воздушные сети
заповеданные от века
для ловца человеков
Раскрылась секретная дверь
вышли во двор бык леопард вепрь
как повелел Андрей
у жасмина встали стражей
С глазами открытыми в синь
будто спим
Жасмин с вами! с нами жасмин

5 ноября 1974 г.,
Москва

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

ОХ

ОК

ОК

ОХХХХ

ОХ-

ХО-ХО-ХО

ХО-ХО

О

О

Ы-ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ

ЗЫ-ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ

пу

о пу!!!!!!!!!!!!

вечный пу

всех запу

запу

пу-пу

— ты што

у. о. ? —

про нево

— а чиво?

— ничиво

— о пу

вечный пу

Кикапу

Памяти
поэта-заумника
Тихона Чурилина

Мария Синякова.
Портрет Тихона
Чурилина. 1940 год.

ПАМЯТИ СТЕЙНБЕКА

был близорукий
не видел слона

стал дальноркий
почему-то опять не вижу слона

а мышей еще вижу
потому что их слишком много

Вероника Юстратова

Калининград

Память

не было прошлых жизней. это кажется, что нутром мы
чувствуем, будто память зашивается в монохром,
стелется тихим эхом, разделяясь на до и после.

память — она ребёнок.

ей нельзя становиться взрослой.

странная. кадр в кадр. не засвечена. без цензуры.
линией непрерывной, оступаясь лишь в такт цезуры.
мрачная от природы или ярче любой Сверхновой,

память — она живет зажигательной босановы.

всё к одному. заметки, партитуры, биты, регистры.
память — она угаснет. угасая — потушит искры,
дует, застудит сердце, или медленно иссякая,

память сыграет в прятки

с каждым.

память — она такая.

«Иногда хватает мгновения, чтобы забыть жизнь,
а иногда не хватает жизни, чтобы забыть мгновение».
(Дж.Моррисон)

Здравствуй, моя искуплённая муками совесть,
Белая чайка у склона над парусным бригам.
Танец Анитры — вступление в долгую повесть,
Ты будешь Эдвардом Григом.

Хмурым фигурам в хрустальной скорлупке из гнева
Твой поцелуй померещится гибельным шрамом.
Знай, я всегда буду рядом, как мудрая Ева,
Будь же строптивым Адамом.

Жизнь не поставит препятствий, обыгранных прошлым.
Туз и амур и спокон одинаковой масти.
Ждать и дожидаться. Не делай молчанье истошным
Мой драгоценный Мастер.

Видишь ли, даже сакральную сущность дуэли
Трудно считать безвозмездным и жертвенным вкладом.
Стану тогда Арабеллой из уст Рафаэля,
Ты — капитаном Бладом.

И когда я умру, навещу тебя ласточкой Фета*,
Буду дышать тебе в шею живительной силой,
Чтобы твоя любовь в переливах света
Навечно меня воскресила.

*А. Фет «Ласточки».

Памяти Михаила Файнермана

В 2016 году исполнилось бы 70 лет замечательному поэту, тонкому лирику и мыслителю. Он входил в литературную группу «Список действующих лиц» (И. Ахметьев, Б. Кольмагин, М. Новиков, А. Дмитриев, М. Андрианова), опубликовал благодаря Виктору Кротову одну прижизненную книгу – «Зяблик перелетный» (М., 1995) «Миша увлекался англоязычными поэтами – Паунд, Сильвия Плат и др. – и сам иногда писал стихи по-английски. Он говорил, что его миссия – внедрить верлибр западного типа. Позже к этому добавилось японское влияние», – говорит о нем Ахметьев. Стихи Файнермана высоко ценили Айги и Сухотин, а Вс. Некрасов высказался конкретно по-лианозовски: «Разгоряченный стих Файнермана – речевой поток, во всяком случае – пробился-таки, похоже, сквозь качество переводности (не знаю, как сказать иначе), он кажется первичным, достаточно непосредственным по речи». В той, советской жизни Файнерман был одним из немногих в моем окружении людей, для которых книга была экзистенциальной потребностью. Он мог часами говорить о Кафке и Мандельштаме, о Блоке и переводах Веры Марковой. В культуре в качестве материала для стиха поэт брал немного, то, что его интересовало: японские формы, философские идеи Гуссерля и Рассела, некоторые интонации Ломоносова и Лермонтова. Это работало на суггестивную речь, запоминающийся речевой поток. Файнерман очень интересовался Востоком, мифологизированным, конечно. Увлечение дзен-буддизмом с очевидностью проступает в его текстах. В то же время его ориентация на англо-американскую поэзию XX века, в том числе битническую и рок-поэзию немаловажна. В моем архиве сохранилось несколько писем Файнермана ко мне, в которых есть стихи. Они нигде не публиковались. И сейчас, кажется, настало время познакомить с ними читателя.

Борис Колымагин

Михаил Файнерман

(1946 – 2003)

Стук сердца
составляет
всего 15 децибел –
по сравнению с пустотой...
это даже для пылкого сердца...
но ведь пустота... ее нет...
великая пустота... ничего...
только тени того, что было,
что, может быть, будет быть.
Сердце сотрясает пустоту с частотой
своей слабой мощи:
15 децибел, ещё 15, ещё, ещё:
за свою жизнь
оно создает среди пустоты горы и реки.
Придет день,
оно выйдет вон из пустоты.
Оглянувшись,
сердце продолжит свою работу:
сотрясая вакуум,
потрясая сердца.
Вокруг пустоты оно
построит сады и беседки.
В поисках пустоты нам
придется задуматься,
прислушаться к своему сердцу:
10 децибел, 5 –
есть ещё жизнь?
Шелест клеток, шорох молекул,
замещающих друг друга в соединениях.
Что делает жизнь жизнью?
Что значит... –
не знаю, как его лучше назвать...
наше «я»? –
но ведь сердце бьется
совершенно одинаково,
какое бы «я» на нем ни росло.
Кроме сердца
должно быть ещё что-то:
ветки, трава, небо.
Все пронизано пустотой –
отталкиваясь от нее,
сердце стучит,
сотрясая вакуум.

Борис Бомштейн.
Портрет М. Файнермана
(бумага, тушь), 2005 г.

В два часа ночи
в созвездии Андромеды

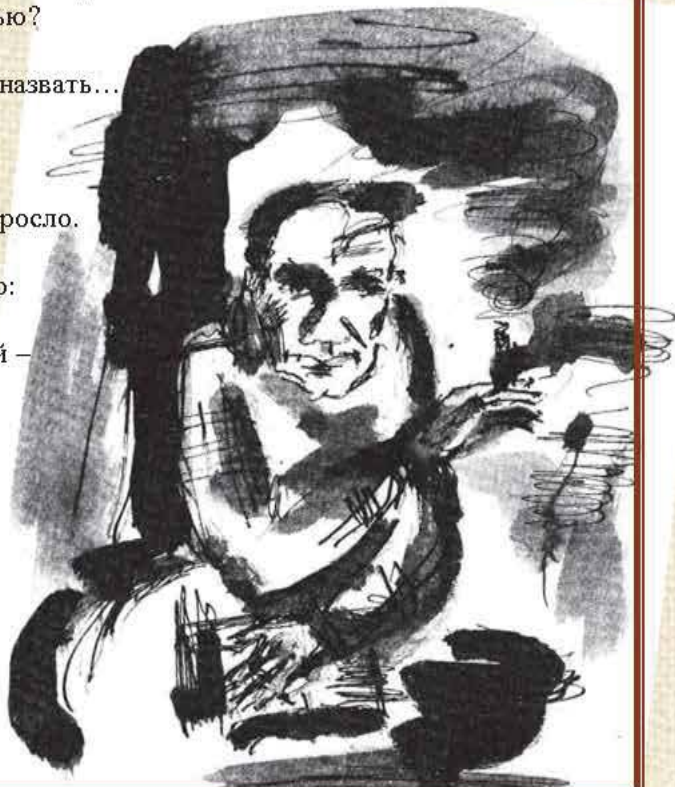
– Почему не принадлежу?
мое сердце отдано Будде.
– А Христос?
– Он немножечко
 неспокойный,
для божества, конечно.
– Так он и не божество!
Сын Бога,
Бог...

В интонациях
Всеволода Некрасова.

Не хочется

А приходится

Шел дождик,
а я не выпался.
Поскорее бы он прошел!
Впрочем, всё равно ведь
шажок за шагом,
по капле,
по весенней воде...

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин

Сапгир

Я познакомился с Генрихом Сапгиром в 91-м во время поэтического фестиваля. В 92-м я вел его вечер в литературном музее на Петровке. Встречаться чаще стали с 94-го, когда я редактировал журнал «Стрелец». Сапгир был одним из основных его авторов, кроме того, он рекомендовал многих поэтов. С этого времени и до самых его последних дней мы с ним довольно тесно общались, риску даже сказать, что мы подружились.

Сапгир был очень открыт миру. Иногда он на кого-то обижался на людей, на учреждения. Были такие учреждения, которые в свое время хороших писателей очень обижали, в том числе и его. В его стихотворении «Клевета о поэте» он идет по травке, и природа все равно признает его своим. И это очень хорошо показывает его самоощущение в те времена. Общество было враждебно. Куда было уйти? И он уходит в природу. Он ушел таким же образом в детскую поэзию. Я буду не оригинален, если скажу, что он был большим ребенком. С детьми он точно был ребенком, он как-то это умел. А вот при общении с поэтами своего поколения он как бы догонял свой истинный возраст.

У него вообще был протеева, меняющаяся натура. Это чувствуется и по стихам. Он не создал своего эталона, у него были очень разные тексты, тогда как многие поэты нашли один прием и в нем работают и двадцать, и тридцать лет, пока могут перо в руках держать. Сапгир же находил очень разные, неожиданные вещи, причем, приемы он понимал не только формально. Стихи он писал циклами. Для него написать отдельное стихотворение или рассказ было только первой попыткой. Циклы у него начали складываться к началу 90-х.

С одной стороны, Сапгир вырос всецело на традиции русского классического стиха. А с другой стороны, он поэт совершенно космический, а ведь из космоса видна не только Россия, но и Европа, и Америка, и чего оттуда только ни видно. Он часто использовал взгляд на мир с какой-то высокой точки и всегда мне говорил, что в хорошем стихотворении его всегда можно почувствовать. А если этого нет, то это то, что лежит на земле, а значит по этому пройдут и затопчут. То, что выше, не затопчут никогда. Поэтому мне часто кажется после прочтения его стихов, что он сидел где-то, может быть, на верхушке Останкинской башни, и оттуда на все смотрел. Это не значит, что он уходил в свою башню из столовой кости. Нет, он пытался все осмыслить. Он замечательно знал людей и был хорошим психологом, по его прозе видно, как он воспроизводил человеческие отношения. У него был дар большого прозаика, но и в стихах это тоже отразилось: у него много диалогов, речи, которую можно услышать на улице. Это было у всех лнанизовцев, особенно у Всеволода Некрасова и Игоря Холина. Сапгир запросто мог воспроизвести разговор двух алкашей на лавочке, что он и делает, кстати, в одном из рассказов. И это интересно и весело. Его поэзия, с одной стороны, находится в гуще жизни, а с другой, где-то на более высоком уровне происходит осмысление того, что все это значит. Так построена и его повесть «Армагеддон», где идут разговоры, а потом выясняется, что творится нечто космическое, что Армагеддон происходит на земле.

Сапгиру казалось, что современные отечественные поэты следуют какому-то одному образцу, совсем не знают поэзии зарубежной, они, – он часто повторял эту фразу Пушкина, – «ленивы и нелюбопытны». Сам Генрих таким не был. Он знал немецкий и английский немного. Несмотря на это, ему было известно много имен, и он пытался понять тексты этих авторов. Он в последние годы жизни стал ездить на Запад. Бродский познакомил его с поэтом Марком Страндом, который подарил ему свою книгу. Очень интересовался Сапгир и немецкими конкретистами, школой

конкретной поэзии. Это Гомрингер, Мон, примыкавший к ним Яндль. Он их переводил.

Самое интересное в его подходе к творчеству – это попытка смотреть на мир с разных точек – возможность неодинакового взгляда. В одном стихотворении он один, а в другом – другой. То же самое в прозе. Если посмотреть его большие вещи, – «Дядя Володя», «Армагеддон», они тоже написаны как бы от какого-то лица. Но лицо-то это разное. Ему удавалось аккумулировать в себе разные точки зрения и находить внутри себя разных рассказчиков.

Сапгир был очень метафизичен. Он был одним из немногих поэтов, для которых важно было понятие пространства. Ведь если представить себе Вселенную, мы висим где-то в пустоте, – и вот эту метафизическую пустоту Генрих пытался понять и описать. Он пытался осмыслить, где та самая черная дыра в бездну, откуда мы пришли и куда мы уходим. Это для него очень много значило.

Кто-то говорит, что большая часть стихов Сапгира – это стихи о смерти, но мне кажется, что это нельзя впрямую так транскрибировать, потому что это не стихи о смерти, а, скорее, стихи о бытии, об ощущении себя человеком, который находится не в астрономической Вселенной, изображенной на всех картинках, а в космической, необъятной Вселенной. И он пытался понять эту необъятность. Я не знаю, как он себе ее представлял; иногда он говорил очень неожиданные вещи об этом, и в стихах это отразилось.

Сапгир сделал очень много для того, чтобы открыть другие измерения, другие горизонты поэзии. Его очень любят называть формалистом. Действительно, он пользовался формальными приемами, но мне кажется, что называть формалистом метафизического поэта – это перебор. Потому что и космос ведь формален. И если пытаться разными путями этот космос воспроизвести, то, конечно, будут обращать внимание не на космос, а на те поэтические приемы, при помощи которых ты его описал. Это судьба всех новаторов: приемы затевают на первое время, лет на двадцать, а может, и на тридцать само написанное. Истинное величие Сапгира как поэта нам открывается постепенно.

Поэт Генрих Сапгир выступает на вечере «Минута немолчания» в московском Доме молодежи 12 апреля 1989 г. Геннадий Хамелевский / Фотохроника ТАСС.

Палиндром (два в одном)

на чувашском языке

Ахăл-ахăл акрăм
Ах, ахăл-ахăл...
Çук, эпĕр – ĕнтрĕк çеç,
Çеçке пек,
Çеçке пек çеç сап-сар...
Уçăр уйрăм аса –
Тупăр-и хал, уçсан?
Āру капăр ак
ни çул устара кан,
ни çар...
Тулхăрать юру тасалса.
Ху та хам.
«Хунар!» – арку питевĕ.
Хăруш-и – сисес-и? – сап-сар уйăх?
(Āру тĕнĕлĕ –
тымара – тăнла!)
Хуçăк, куçсăр уйăх
ушаха путать...
Уçнă чăн çулĕ хĕрелĕ
вĕри тусанпа сапăнса.

(Кутăнла пачах урăх савă вуланать):

Аснăп.
Асапна сут ирĕ вĕлерĕ.
Хĕл уçнă чăн сутату –
паха шурă юр.
Āс суккă – сужалнă
тарам-и тĕлĕнĕ Турă хай
(ураспа сисес-и?)
си шурă хĕвелти пукраран –
ухмаха тухасла сатур...
Уй! Тарăх лутра çынна...
карать – çул уçин! – карăпа
курăнас сулах...
Ырă: путас
ăмăр юрă çурас пас-çеçке пек
(Çеçке пек çеç! Çеç!..)
кĕрт нĕрĕ пек
уçлăха...-лăха...
хамăр халăха...-лăха...

Подстрочный перевод

Эхо будто хохот,
Эхо: хо-хо-хо!
Нет, мы лишь сумерки,
Будто цветы,
Всего лишь как цветы – светлые-пресветлые!
Откройте особенность (моего) ума –
Найдите силу, открыв?
Поколение новое нарядное:
ни предводителя,
ни войска...
Бушует вьюга, очищаясь.
Мы с тобой наедине:
«Плодимся!» – попрекает подол.
Чуять ли – пугающе светит светлая-пресветлая луна.
(Зри в корень –
вслушивайся в ось рода!)
Сломанная слепая луна
тонет в трясине...
Открытый и истины путь багровеет,
покрываясь горячей пылью.

(Наоборот читается совсем другой стих):

Помяну.
Боль твою судный день убьет.
Зима открыла свет истины –
благороден белый снег.
Ума не стало:
разве впустую изумится сам Бог
(перед бурей почуять?)
белому пятну на солнце –
до безумия активно...
Поле! Негодуй на маленького человека:
проложил бы путь – загроживает вновь
открывающийся...
Благодать: превратимся
в подобный инею-цветку, распускающему
грустную песню,
(Всего лишь цветку! Всего лишь!..)
похожий на красу сугробов
космическое пространство...-странство... –
в свой народ...-род...

(Если читать все это обратно, получится
монопалиндром)

Акифуми Такеда

профессор
Тояма

それは背中を感じている
もう一つの背中のあたたかさを
眠る鳥のように
頭をかくし
足を羽のようにたたんで

膝を抱えてすわっている
人のかたち
Rの字に似たそれが
反転して
Яの字となり
背中あわせにくっついていてのを
何と読ませる？

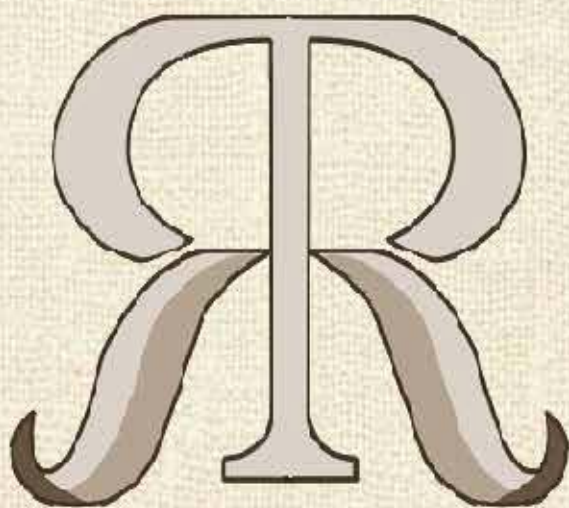
背中で感じる

ЧУВСТВОВАТЬ СПИНОЙ

Фигура сидящего на корточках человека
на букву R похожа
Повернулась – стала буквой Я
Прижались друг к другу спинами

ЯЯ

Как это прочесть?
Одна спина чувствует тепло другой спины
Будто спящая птица
спрятала голову на груди
раскинув ноги как крылья

Оригинал текста опубликован в журнале Repure № 24,
2017 г. Изд. Суидзин-ся, Токио.

Перевод по подстрочнику автора сделала Елена Кацуба.

Алексей Чуланский

Подольск

жизнь и смерть не всем к лицу
есть сознания стерильней
в металлическом лесу
кармы интеллект мобильней

геостат стационар
спутники икс группировок
голографии пульсар
создают без остановок

в крови антропоидов волна
звездный газ тревожит разум
видит он оно она
в небе зашифрованную фразу

ешь свой космос
луна техногенна
стереократер
инфрорефрактор
ешь свой космос
электромагма
сфер диафрагма

оргазм киборга
оргии агрокульт
утилитарные таланты
за паралелями атланты
антидиагноз цифровой
играет в тайну головой

Твое молчание похоже на мираж
Мне видится предметным слово
Из всех живых я альый паж
Заря по цвету из другого
Я тку три неба из звезды
Еще три неба из мечтаний
Тебе сотку из красоты
Из неразгаданных желаний
Из моря философского простор
Из сульфур дыхания сердца
Но кремний в кварце строит тор
Три цвета огонь иноверца

Цветы фонтанами взойдут
И расцветает время бездной
Наш разговор миры найдут
На ткани вытканой небесной

камни	стылая	чувствуешь
застывшие	память	запах
веки	тает	звезд
огня	в ударе	
в руках	искрами	
	рвет	
	темноту	

Alix Anne Shaw
Эликс Энн Шоу
Чикаго

Витгенштейновские поэмы

Фрагменты

1. 21. Любой факт может иметь место или не иметь места,
а все остальное останется тем же самым.

(Л. Витгенштейн)

Возможная ива

Ива есть все, что имеет место.

Ива небо, не листья

Ива определяется небом

Ива определяется небом, и тем, что это все небо.

Ибо полнота неба определяет то, что имеет место, а также тем, что не имеет место.

Небо в карабкающемся пространстве – это ива.

Ивы делятся на небо.

Каждый лист может иметь место или не иметь место, а все остальное останется тем же самым.

Кровавая дикая местность

2-2.012. Как мы не можем мыслить вообще пространственные объекты вне пространства или временные вне времени, так мы не можем мыслить какой-либо объект вне возможности его связи с другими. (Л. Витгенштейн)

*Новый кровоподтек не может быть
обнаружен позже.*

Что имеет место – небо – движение ли форм через камни. Убежище для тела (разрыв конечностей)

Пригоршня ли тел, потрепанные (листья или) нервы,

Одичавшие в своих гнездах движущегося света.

Это было бы несчастным случаем, если бы поток воздуха мог соответствовать листу,

Который двигается сам по себе.

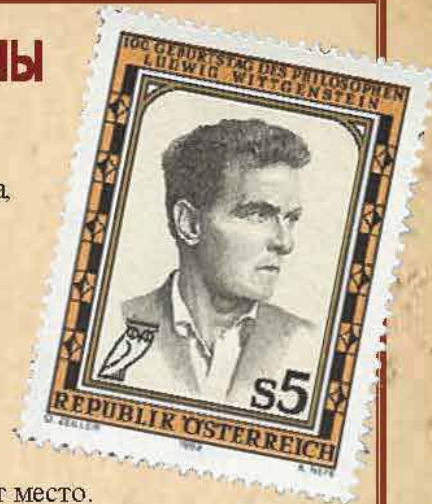
Если в телесном убежище случаются такие вещи,

Тогда направления должны быть указаны уже на старте.

В шуме нет ничего другого, кроме аргумента. Восхождение с указанием направлений.

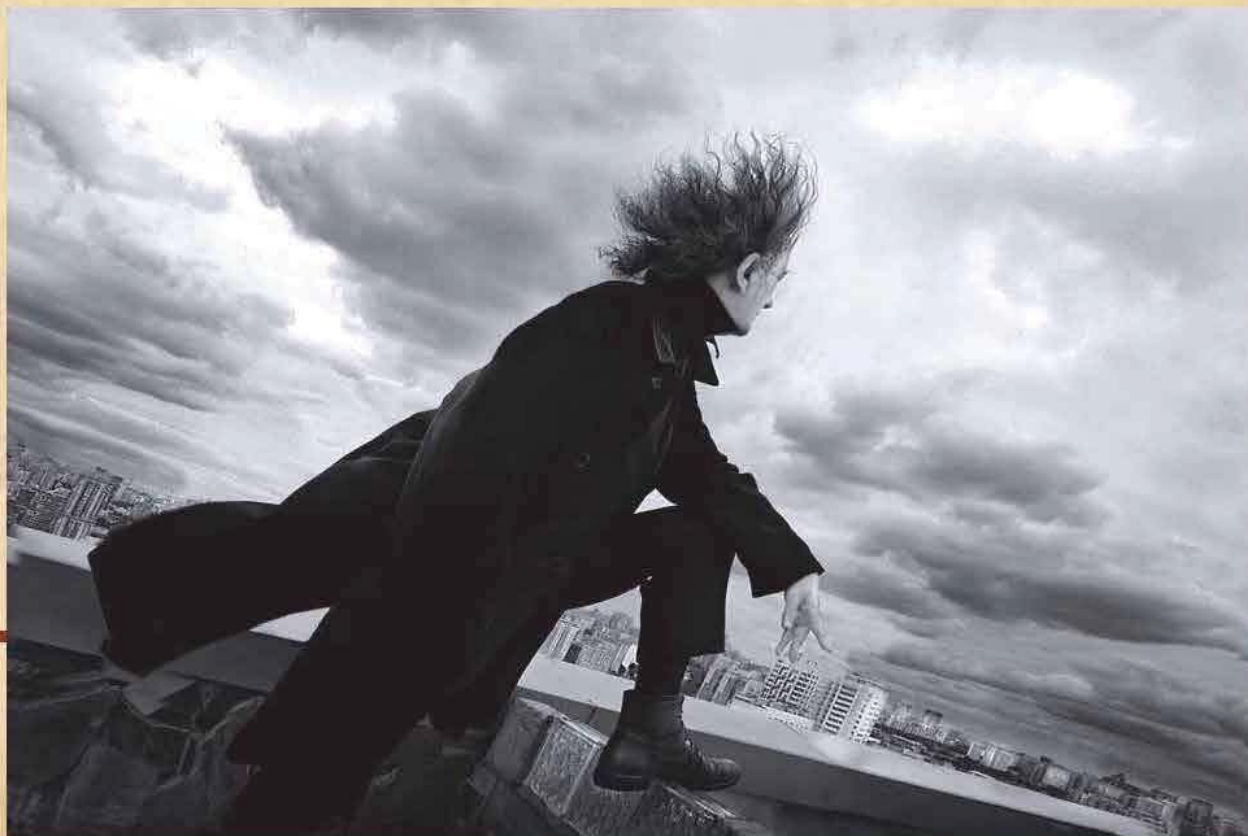
И все указатели и есть факты....

(-или небо или-).

Перевод Эвы Касански.

Фото Сергея Тырышкина.

Кира Сапгир

Оса ДООСа

Париж

Разрешенный Сад

Особая публика собралась в июне в зале №2 парижского Аукционного дома Друо год назад. Почтенного вида джентльмены с землистыми лицами, сповно сошедшие с литографий Домье, светские дамы в жемчугах, отчасти напоминающие вельм с офортов Гойи. Каждый тербил в руках каталог с буколическим пейзажем сепией на обложке. Поверх пейзажа красовалась изящная надпись: «Другой Сад». Ибо в этот день произошла сенсация: продажа с молотка личных вещей и рукописей Донасьена Альфонса Франсуа маркиза де Сада.

На аукционе выставлялось ровно столетов — личные вещи, принадлежащие де Саду письма, счета, а также манускрипты — фавии и шести неизвестных миру театральных пьес. Откуда взялось все это — письма, рукописи, пьесы? Ведь считалось, что после смерти (2 декабря 1814 г.) де Сада в тюремной психушке Шарантон рукописи его были сожжены помпидией, а распущенное, разбитое недугами тело престарелого автора «Жюстин» отправилось к безвестному месту последнего упокоения на больничном погосте.

И оказалось, что пресловутое булгаковское «рукописи не горят» в данном случае отчасти реальность! Архивы де Сада, вернее, то, что от них осталось, спас от аутодафе и откупил у тюремного начальства его сын, Клод Арман де Сад. Сундук с отцовским наследием он опечатал и спрятал у себя в шато Кондэ-ан-Бри (департамент Эна). Там, в потаенной комнате за стеллажами библиотеки сундук благополучно пылился вплоть до конца Второй мировой. О нем так бы и не вспомнили, не объявив в Кондэ-ан-Бри поэт-сюрреалист Жильбер Лепю — страстный поклонник Божественного маркиза, как и положено сюрреалистам. Совершенно случайно поэт обнаружил в шато потайную лестницу, за ней — потайную комнату и в этой последней — тайник с драгоценным сундуком. Случайно? — спросите вы. Но ведь Случай — оправданная необходимость — не правда ли?

...Теперь пропустим в во времени и пространстве — на 60 лет назад в парижский Дворец правосудия. Здесь, 15 декабря 1956 года судебная коллегия 17 уголовного суда начала слушание необычного дела. В битком набитом зале были Жан Кокто, Андре Бретон, член Французской академии Жан Полан. Ответчиком выступал издатель Жан Повер. Лишь главный обвиняемый на суд не явился — впрочем, явиться он мог разве что с помощью меднума, ибо за 142 года до суда умер. Этим обвиняемым был Донасьен Альфонс Франсуа де Сад.

Потомок знатного провансальского рода Донасьен де Сад, литератор, философ и аристократ, родился 2 июня 1740 года в Париже. В 1750-1754 годах учился в иезуитском колледже, затем решил стать военным. В период Семилетней войны отличился в кампании, получил звание капитана кавалерии.

В 1763 году Донасьен Альфонс вышел в отставку и 1 мая женился на девице Рене-Пелажи де Монтрей с благословения короля Людовика XV. (Цена их брачного свидетельства на аукционе составила 2000 евро).

Однако буйный характер де Сада-младшего помешал ему жить тихое семейное гнездышко, и 29 октября 1763 г. его уперли в Венсенский замок за дебош... на пятнадцать суток! Стоит объяснить такую деталь тогдашнего французского судопроизводства. Простоподинов за преступления могли осудить, приговорить к наказанию плетью, колесовать, повесить, отправить на галеры, но аристократ всему этому не подвергался. Зато сына родовитых родителей за беспутный образ жизни, транжирство и прочее могли заточить в

крепость без суда и следствия — по просьбе семьи. Для этого король выдавал *lettre de cachet* — разрешение на заключение под стражу знатного лица без объяснения причин и от грех а подальше. А там непутевого отпрыска содержали (за счет семьи) в царских условиях! У знатного заключенного, томившегося «во мраке заточенья», на кровати были простыни голландского полотна, топились камин, подавались изысканные яства. Да что там — «несчастному узнику» предоставляли даже веселых девиц, которых водили в камеру беспрестанно!

После отсидки де Сад отнюдь не оказался в опале. В 1764 году он становится королевским генеральным наместником. А в 1767 г. после смерти отца унаследовал его сеньориальные права и земли, в том числе родовое поместье Лакост (в Провансе), где и поселяется. И вскоре местный полицейский инспектор составляет «Мемуар об ужасных деяниях маркиза де Сада, который нанимает и склоняет к разврату девиц». За насилие и издевательства над нищенкой по имени Рроза в 1768 году де Сада берут под стражу, отправляют в тюрьму Консьержери в Париже. Но уже через неделю по указу Людовика XV де Сад освобожден вновь.

С начала 1772 г. маркиз де Сад снова удаляется в Лакост. А в июне того же года произошло так называемое «Марсельское дело» — особого рода «перформанс», который затеял маркиз в родовом гнезде. Вместе со своим пажом он регулярно навещает в комнату, где содержатся под замком несколько девиц из простонародья. Согласно протоколу полиции, «означенные лица засвидетельствовали, что предавались означенной комнате с означенными лицами, следующим занятиям: активной и пассивной флагаелляции, содомии, и что их склоняли к насилию с помощью конфет, начиненных шпанской мушкой (вредным для желудка афродизиаком)».

Суд приговаривает де Сада к «высшей мере наказания»... заочно: маркиза к тому времени уже и след простыл. Тогда по повелению Прованского парламента, на площади перед ратушей Экса сожгли чучело преступника. Тут знатная родня вновь добивается тюремного заключения для маркиза. От короля приходит в очередной раз *lettre de cachet*. Де Сад в очередной раз следует в очередную крепость, откуда через пять месяцев совершает очередной побег. В этом ему помогает... мадам де Сад.

И вновь амнистия. И вновь Донасьен де Сад в Лакосте, где чинно затворничает весь 1774 год. И вновь натура берет свое. В феврале 1775 года де Сад, не удержавшись, вновь похитил трех местных девушек с целью соращения. Девушек наших, и они в деталях описали всё...

В 1775-м Донасьен бежит в Италию. И на аукционе в Друо были выставлены на продажу итальянские пейзажи, выполненные по заказу де Сада членом Королевской академии Жан-Батистом Тьерсом. Один из набросков украсил каталог. (Рисунки не нашли на аукционе покупателя.) Через год маркиз возвращается в Лакост, где принимается за старое — совращает слуганок. Все они оббежали, за исключением одной — Катрин Триппе, которую Донасьен впоследствии описал под именем Жюстины. Отец Катрин, узнав, что творит с его дочерью, пробрался в замок, выстрелил в маркиза, но промахнулся. Де Сада арестовывают (опять-таки с помощью *lettres de cachet*) и заключают в Венсенский замок. В тюремной камере маркиз де Сад и начинает писать пьесы, рассказы и новеллы. И этот плод одиноких фантазий и был в основном представлен в 2015 году на аукционе.

«Всю свою жизнь мои родители боролись с предрассудками, дабы показать миру истинное лицо моего предка», — заявляет агентству Франс-Пресс Тибо де Сад, инициатор нынешней продажи в Друо. «Они завещали своим пяти детям продолжить эту борьбу во имя торжества правды».

«Мы счастливы, что благодаря этой продаже миру явлен иной лик Маркиза, как того и пожелала его семья», — взволнованно возгласил на открытии аукционщик Рудольф Тессье. Увы, похоже, что «разрешенный Сад» покупателей не особо впечатлил. Ни одна из рукописей его шести пьес, выставленных на продажу, не была куплена, даже «Мизантроп по любви» — единственная пьеса, принятая к постановке «Комеди Франсез». Что подделаешь? Мало кому интересны ашперические (а на деле очень нудные) басни и нравоучительные пьесы, вполне в духе того времени.

В конечном итоге, вырученная от продаж сумма — 296 190 евро — едва достигает половины изначально прогнозированной оценки. Даже жемчужина собрания — портрет графа Жана-Батиста Франсуа де Сада, отца маркиза, одним из первых выставленный на торги, продан за 39 000 евро вместо изначальных 40 000 евро.

Пару манускриптов из архива де Сада приобрела Национальная французская библиотека. В их числе — откупленный за 4 000 евро список невест юного Донасьена от 15 до 45 (!) лет, составленный для отпрыска его отцом. Кстати, будущая супруга де Сада Рене-Пелажи де Монтрей на этой ярмарке невест не числится.

Имела место на аукционе и своего рода анти-сенсация: так и не найдено покупателя личное кресло де Сада, обитое гобеленом на тему «Сусанна и старцы». А ведь сия фатидическая мебель сопровождала прославленного зека по всем тюрьмам и психушкам. Сидя в этом кресле, написал де Сад свои главные шедевры — «Жюстину» и «120 дней Содомы». Напомним, что «Содом», записанный на рулоне бумаги длиной около 20 метров, в «незабываемом» 1789-м, когда Донасьена из Венсена перевели в лечебницу Шарантон, был конфискован тюремным начальством — и это заставило Де Сада, по его словам, «плакать кровавыми слезами». Но, как уже сказано, рукописи не горят — даже в революционном пламени. Охранник спрятал «120 дней Содомы» под мундир и вынес тайком из узилища.

..Ну а почему все-таки не купили знаменитое кресло?! Ведь его изначальная оценка не так уж и высока, каких-то 50 000 евро! Во всем виновата пресловутая французская картезианская сущность — а попросту прижимистость. Случись распродажа за океаном либо в московском Манеже — с руками оторвали бы сакральное вместилище седалища Божественного Маркиза! И не думайте, что «тяжелые времена» помешали бы успеху. Ведь во все времена и невзирая на все кризисы и катаклизмы бедные беднеют, богатые богатеют, и лучшим капиталовложением были и останутся раритеты и артефакты.

Не обошлось на аукционе и без приятных сюрпризов. Все та же Национальная библиотека приобрела (за 7 500 евро — почти вдвое выше изначальной оценки в 4 000 евро) список предметов первой необходимости, заказанных де Садом в Венсенском доджоне: чего только не требовалось для комфорта «страдальцу»! Тут и рамы для картин, и ковры, и изысканные платья — не говоря о бумаге, перьях, чернилах самого высокого качества!

Другой сенсационный лот — бронзовая отливка... с черепа великого человека! Но ведь его могила вроде бы безымянная, скажете вы. А вот и нет. Хотите верить, хотите проверьте: в 19 веке череп, эксгумированный при раскопках тюремного кладбища в Шарантоне, был френологами атрибутирован как точно принадлежащий маркизу! С черепа тогда же сделали слепок, а в 2000 году — бронзовую отливку. Она ушла по цене в 7 150 евро, в полтора раза дороже изначальной. Вообще-то, при взгляде на эту сомнительную реликвию вспомнился старый советский анекдот: «В Историческом музее выставлен череп Чапаева в детстве».

Что было дальше? В апреле 1790 года, после девяти месяцев заключения, де Сад освобожден из очередного заточения по решению Национального Собрания. Все обвинения, вынесенные «старым режимом», с него сняты. Де Сад присоединяется к якобинцам, начинает издавать массовым тиражом свои книги. В 1791 году впервые опубликована «Жюстина».

Затем 10 августа 1792

г. во Франции произошло свержение монархии и была провозглашена Республика. «Гражданин де Сад» заседает в Конвенте, пишет для якобинцев политические тексты, памфлеты.

В 1793-м, начавшемся казнью Людовика XVI, маркиза назначают председателем революционной секции «Плюс» (*Section Plus*). Однако, после того, как де Сад публично зачитал в Конвенте памфлет против секции, его арестовали в собственном доме и отправили в знакомую ему психушку Шарантон, где он и остается до своей смерти.

Неотъемлемая часть творчества

Со смерти Божественного Маркиза минуло более двух столетий. В XIX веке, когда получила развитие наука психопатология, имя де Сада приобрело общеизвестный смысл, обозначая наиболее мерзкое и ненавистное извращение — садизм. На протяжении этих столетий имя де Сада в коллективной памяти остается синонимом сардонической чувственности и злорадной жестокости. А его творения обыватель считает порнографией.

Но — порнография ли это? Конечно, около 90% текста в этих произведениях составляют детальные описания извращенных форм секса. Но отчего же не возбуждают эти картины? Отчего таким ледяным холодом веет от самых «горячих» страниц? Вообще, как может идти речь о порнографии в этих книгах, где кристально-чистый язык — плоть от плоти классицизма — четок, прозрачен и, как ни парадоксально это звучит, — беспристен? Известно, что бо́льшая литература затрагивает все пять чувств читателя, вплоть до вкуса. А книги Де Сада абсолютно «одномерны». Его картонные персонажи не обладают ни единой индивидуальной чертой. И на самом деле пресловутый де-садовский извращенец не столько развращает, сколько

отвращает от порнографии. Да и что есть порнография? То, что должно возбуждать. Но сцены в книгах Де Сада, совсем их «извращениями», порой выглядят стерильными ишлюстрациями к авторским философским постулатам

Его «Философия в будуаре» вообще ничто иное как трактат, где разврат – декор для диспутов... о морали, ведущихся в перерывах между оргиями. И именно эти философские постулаты де Сада приводили (да и приводят) в ярость лицемеров, став подлинной причиной долголетней оспалытворений маркиза. Причем одно из наиболее характерных и неприятных для ханжей свойств этого жестокого и холодного интеллекта – его гибкость. Благодаря картезианской ясности мышления автора «Жюстин» не смогли спомнить ни два смертных приговора, ни 27 лет, проведенных в общей спожности в тюрьмах, которые замаскированы под сумасшедшие дома, – будь то при «старом режиме» либо в дни Революции.

По мысли Сада, все явления природы и общества равновелики: старость равна молодости, разрушение – созиданию, зло – добру, мрак – свету, а властелин – рабу (то есть рабыне). Только следуя по этой стезе можно добиться вселенскости сознания – универсализма.

Де Садом восторгались и относились к нему с чуть не религиозным почтением Эдгар По, Бодлер, Кафка, Аполинер – и издатель-легенда Жак Повер, автор четырехтомной биографии де Сада и 24-томного собрания его сочинений. Сальвадор Дали называл де Сада одним из самых пронизательных и самых пугающих умов Франции. И на аукционе в Дроу вызвали некоторое оживание письма Галы Дали (урожденной Дьяконовой), в 60-х годах ведущей переговоры с Ксавье де Садом о постановке пьес Божественного маркиза с декорациями супруга – Сальвадора Дали. (Переписка ушла за 2000 евро – вдвое ниже изначальной цены.)

Произведения де Сада с элементами так называемого «мягкого» садизма с 1958 года к публикации допускались. Однако четыре лучшие его книги подлежали запрету почти до конца прошлого века. Маркиза Де Сада легализовали лишь в 1990 году, когда отмечалось 250-летие со дня его рождения. Он издан в Библиотеке «Плеяды» – самом престижном издании французской классики. И 250 лет спустя, творчество де Сада, наконец, было объявлено национальным достоянием Франции. Но и по сей день его имя у многого моралиста по-прежнему вызывает гностический, чуть не «готический» ужас. А отдельные «стражей моральных устоев», подобных современному эссеисту Мишельу Онфре, де Сад прямо-таки провоцирует на обвинения аморальных «тедонистов» и «эпикурейцев» – Нилде, де Сада и К°! «Незаписания аза деяния был осужден этот порнограф», – напоминает Онфре в своем увраже «Сад какой он есть» благонамеренным обывателям

Его называли Божественным по примеру Пьетро Арретино. Два столетия назад Маркиз де Сад восславил такую неистовую свободу, которой, казалось, страшился сам бунт. Он считал, что человек должен прекратить бояться себя, своих порывов, даже самых запретных – вплоть до вне-человеческих... Ибо в конечном счете больше всего ненавидел Сад узаконенное убийство. Преступление виделось ему как редкостный и спадкий плод разнузданного порока, а Добродетель, облаченная в полицейский мундир, внушала отвращение и ненависть.

И главный урок Маркиза де Сада: свобода – прежде всего, а самое главное из злключений Добродетели – лицемерие.

Олег Романов

с.Ташенка

ДЕДОВЩИНА МУЧАЕТ ВО СНЕ

«Искусство низачем не нужно. Меня же притягивают бесполезные вещи. И чем никчёмнее, тем сильнее»

Сальвадор Дали

ТЁПЛЫЙ СТАН

Я зека в ОЗеКа –

Слон. Страшный сон.

Это Советская Армия. Лето. Мучает он.

Летось? Нет. 1987 – уже Летопись. Тчк.

РМО. Парк: «Урал», «Тунгуска» ПВО вразброс.

«Т-80». Вдали казармы – еще с «Олимпиады-80».

Кросс. Слезы? Везде. Не вопрос – бесят.

Газанет. Я в противогазе. SOS!

И босс в погонах с ноготок – Щипок.

Я – молоток! И зека – языка!

В ОЗеКа кросс – за эти стихи – не хи-хи! Вот хлопок.

В полной выкладке и с «АК»...

И сон – на посту. Стоя. С открытыми глазами.

Не чертовщина – «дедовщина» с ТУЗами...

ВЕЛОСИПЕД

На велике под рамку гоню стремглав босой.

Скупнуться спозаранку решил за косой.

Духманят росны травы, дурманит аромат.

И солнышко исправно наводит аппарат.

Танцует в спицах ветер,

Свистят они от боли.

Несусь сильнее смерти,

Аж в сердце шилом колит...

В казарме на кровати,

Когда бумажки гаснут,

Горящие меж пальцев

Моих стихов не ясных.

И ноги сами крутят –

Армейский «велик» в сне...

Москва, пос. Мосренген,

казарма в/ч 61899...

1988 г.

Однажды один ученик спросил Рамкришну:
«Связишки, для чего в мире существует зло?»
Немного подумав, Рамкришна кратко ответил:
«Чтобы жить было интереснее».

1 сентября 1939 года

Я сижу на ступенях кафе Штадтхалле¹
У озера, когда-то бывшего замковым прудом,
В здании кёнигсбергского концертного зала,
После пожара забывшего пенье скрипок и серенады Шуберта,
Но слышащего удары в литавры и плач альты,
Так похожие на взрывы бомб и рыдания
Жителей горящих у замка кварталов.
Стрелки медленно движутся к четырём утра,
Воздух наполнен посмертным ноктюрном Шопена,
И, будто луна, прожектор со «Шлезвиг-Гольштейна»²
Уже освещает Гданьский залив, Вестерплатте

И песчаную косу Хеле.

Лихие ребята из эскадрильи Бруно Диллеи³,
Выросшего на улицах Гумбинена, уже взлетели
С аэродрома Эльбинга на бомбёжку польских позиций у Вислы,
И им пока это кажется забавной прогулкой,
Ведь моторы «юнкерсов» гудят в ритме джаза,
Как, может быть, будет петь тромбон Гленна Миллера⁴,
Если он выживет, а не исчезнет над просторами океана.
Немец Нойберт⁵ уже нажал на гашетку своих пулемётов,
И поляк Медведецкий⁵ стал первым из тысяч пилотов,
Чьи души навеки остались в небе,
А самолёты носами вгрызлись в море или

Поцеловали мягкую землю.

Десять минут остаётся до начала войны,
И, пытаясь понять логику двадцатого века,
Я вглядываюсь в темноту, и, кажется, различаю черты
Людей, в толпе пришедших встречать человека,
Который погубит страну, их города, миллионы детей,
С их согласия и молчаливого одобрения.
Май, двадцать девятый год, люди ломаются

В двери Штадтхалле.

Первая речь фюрера в Кёнигсберге:
«Будет работа, порядок и хлеб. Выбирайте меня,
Выбирайте, немцы превыше всех. Я дам вам Ordnung,
Arbeit und Geld – это больше любви, свободы и счастья»!⁶

Я думаю, был ли выбор у них, между Гитлером,
Коммунистами, социалистами и демократами?
Наверное, был, ведь в конце августа
Здесь же, в кёнигсбергском Штадтхалле,
Они слушали Томаса Манна⁷
С чтением глав из романа «Иосиф и его братья»,
Но, видимо, это гораздо сложнее, чем команда
«Убей!» и Эрих Кох⁸, угощающий пивом рабочих,
Понятней и ближе высоколобых
Интеллигентов, твердящих о Канте, праве,
Всеобщем мире и категорическом императиве⁹.

1 сентября 1939 года в 4 часа 26 минут
началась вторая мировая война с нападения
Германии на Польшу.

Уинстен Оден написал в 1939 году
стихотворение «1 сентября 1939 года» (9 строф
по 11 строк). Этот поэтический текст –
переключка со стихотворением Одена, которое
начинается так: «I sit in one of the dives / On
Fifty-second Street» (Я сижу в одном
ресторанчике / На пятьдесят второй улице).

1. Штадтхалле – городской концертный зал на
берегу Нижнего озера (до войны Замковый пруд).
Сегодня в нём историко-художественный музей. В
ночь с 29 на 30 августа 1944 года здание было
сожжено английскими бомбардировщиками,
восстановлено в конце 1970-х годов.

2. Броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» вошёл
ночью в Гданьскую бухту и в 4 часа 45 мин сделал
первые выстрелы войны из орудий главного
калибра по польским позициям на Вестерплатте.

3. Бруно Деллеи – немецкий лётчик, командир
звена юнкерсов, сбросивший в 4 часа 26 минут
первые бомбы в мировой войне. Диллеи родился в
городе Гумбинене (ныне город Гусев), здесь же
окончил гимназию.

4. Гленн Миллер – американский джазовый
музыкант, тромбонист. Пропадал без вести во время
полета над Атлантическим океаном 16 декабря
1944 года. По основной версии, его низколетящий
над водой самолет попал под сброс
неиспользованных бомб возвращавшейся с
очередной бомбардировки английской
авиагруппы.

5. Франк Нойберт – немецкий летчик, первым во
второй мировой войне сбивший самолет.
Польский пилот, капитан Медведецкий погиб.

6. 25 мая 1929 года Гитлер в сопровождении Гесса
прибыл в Штадтхалле и при большом стечении
народа произнес первую публичную речь в
Кёнигсберге.

7. Томас Манн август 1929 года провёл на
морском курорте Раушен (ныне город
Светлогорск). Перед отъездом из Восточной
Пруссии в Штадтхалле состоялась встреча с
читателями, где Манн читал отрывки из романа
«Иосиф и его братья». В Раушене была написана
новелла «Марио и фокусник».

8. Эрих Кох – нацистский преступник, гауляйтер
Восточной Пруссии. Запрещал эвакуацию
гражданского населения из Восточной Пруссии.
Виновен в гибели тысяч мирных людей. После
войны скрывался, был найден англичанами и в
1950 году выдан в Польшу для суда. Пожизненное
заключение отбывал в тюрьме города Брачево.

9. Кёнигсберг был центром республиканских
настроений в Германии, социал-демократическая
партия имела две главные штаб-квартиры: в
Кёнигсберге и Берлине.

Вода до сих пор хранит кровавый отблеск пожара.
Вчера был налёт англичан, и «Ланкастеры» маршала Харриса¹⁰
хладнокровно сожгли старый город –
Его мосты, музеи, дома не смогли устоять
Против вала огня и горящего белого фосфора.
Ночь была коротка, и подвалы Кнайпхоффа¹¹

Не успели остыть

И ещё дымится под зелёным газоном острова.
По ночам ещё слышно, как кричит горящий соборный орган
И расплавленные крыши стекают в кипящую воду Прегеля.
Город рыцарей пал перед цивилизованным
Варварством англичан, порождённым нацистским
Варварством немцев.

На юго-востоке Поппыи, на окраине городка,
Мальчишка – мой будущий отец – ещё крепко спит,
Не зная, что его судьба оставила жить,
А всем, кто рядом, уготовила смерть и уже никогда
Он не будет говорить на трёх языках своего детства,
Перемешивая слова на польском, украинском и идише
И что в сорок пятом он будет входить в мой горящий город
Через Ростарген, неся городу смерть
Как высшую справедливость двадцатипятилетних сержантов,
Чтобы в конце концов самому лечь в эту прусскую землю,
Как в постель, заботливо расстеленную «Ридною матой».

В утренней дымке мне видятся горожане,
Гуляющие вдоль озера, барышни с кавалерами,
Катающиеся на лодках, и тут же я вижу их беженцами
В зимнем Гданьске, восходящими на борт «Вильгельма Густлова»¹²,
Чтоб навсегда исчезнуть в ледяных волнах их любимого моря.
Я вижу, как памятник капитану Маринеско,
Оторвавшись от перископа, протягивает к ним руки
И шепчет, что обречён навеки стоять среди их теней
И что это великая мука для офицера, верного долгу.
И скульптор Фёдор Мороз¹³ ух одит в ночь,
Тяжело припадая на правую ногу.

Мне кажется, что это раннее сентябрьское утро
До сих пор ещё длится, и Европа дымится в развалинах,
Хотя война и закончилась в сорок пятом, Гитлер покончил с собой,
Кох умер в польской тюремной больнице, Бруно Диллем
После войны ещё долго служил в бундесвере и тихо скончался

В штатской постели

Броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» был потоплен у Гдыни.
Мой отец – единственный из семьи, кто уцелел,
И встретил в Пруссии мою мать, приехавшую из Брянска.
Только палач Германии Артур Харрис ни о чём не жалел,
Кроме того, что не стал пэром Англии,
Но бой жестокого барабана¹⁴ до сих пор слышен

На Длугом торге¹⁵ Гданьска.

Что же стало плавным итогом войны –
Парады, салюты, изменения границ,
Новые имена городов, казни нацистских убийц,
Пепелища кутуров, сотни расстрелянных гетто от Вильнюса
До Кракова и Кракова, звёзды сталинских маршалов,
Крак великой немецкой культуры, которая уже никогда
Не сможет дать миру того, что могла бы дать,
Если бы сопротивлялась фашизму?
Главное только то, что мы выжили,
Мы просто остались жить, родили детей
И научили их говорить на языке

Наших родителей

10. Маршал авиации Артур Харрис в 1941 году был назначен командующим бомбардировочной авиацией Великобритании. Он разработал план и методологию ковровых бомбардировок исторических немецких городов. Жажда бомбить и уничтожать города постепенно стала манней Харриса, его называли «мэджиком».

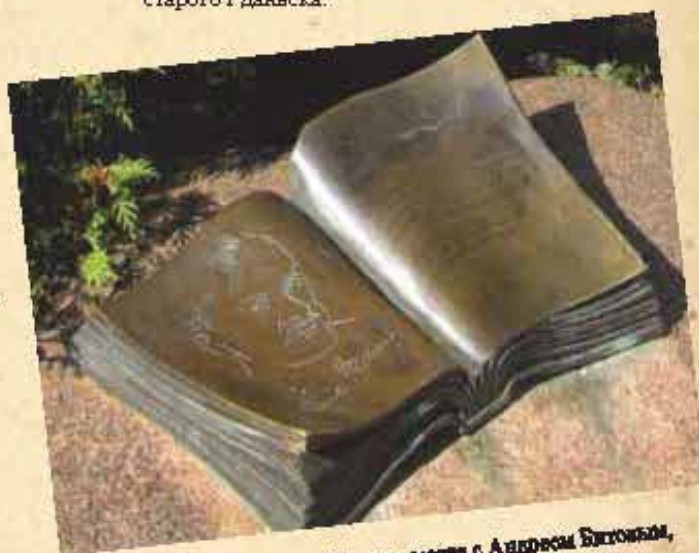
11. Кнайпхофф – город-остров, образованный двумя рукавами Прегеля. Особенно сильно пострадал от бомбардировок англичан в ночь с 29 на 30 августа 1944 года.

12. Круизное судно «Вильгельм Густлов» использовалось для перевозки беженцев, раненных и военнослужащих. 30 января 1945 года судно было потоплено торпедной атакой подводной лодки под командованием капитана Александра Маринеско. На судне находилось около 10 тысяч человек. Среди погибших подавляющее большинство – беженцы, в основном, из Восточной Пруссии, которые ожидали отправки в Гданьск. 10 февраля Маринеско потопил санитарный транспорт «Штойбен» с ранеными и беженцами из Пиллау (ныне город Балтийск), на нём было более 4000 пассажиров.

13. Фёдор Мороз – известный калининградский скульптор. На Нижнем озере в 2001 году установлен памятник А. Маринеско его работы. Им же создана мемориальная доска И. Бродскому в Балтийске и в 2006 году памятник герцогу Альбрехту (возле у собора Кенigsберга).

14. «Жестяной барабан» – роман нобелевского лауреата Гюнтера Грасса, детство и юность которого прошли в Дании в условиях фашистского режима, а роман «Траектория краба» рассказывает о трагической судьбе пассажиров «Вильгельма Густлова».

15. «Длугий торг» – центральная улица старого Гданьска.

6 июня 2003 года Гюнтер Грасс, вместе с Андреем Битовым, открывал памятник экипу Томасу Манну и Светлогорск.

До того момента, когда она впервые пришла ко мне, или лучше сказать, когда я впервые ее почувствовал, я полагал, что общаться можно только с людьми. Я сейчас все объясню. Главное не запугаться. Попробую представить, что я пишу исключительно для себя. Когда я обращаюсь к другим, то мысль моя скачет с одного на другое, слова сбиваются в кучу. Стоит лишь начать, как мне уже хочется, чтобы собеседник понял все сразу. Чтобы с первого слова ему стало все ясно до самого конца. Должен признаться – я очень нетерпелив. Принимаясь за чтение толстого романа, я заглядываю на последние страницы, чтобы узнать, чем все закончится. Вообще для меня большое значение имеет конец. А дочитав до конца, меня влечет узнать, что же случится дальше, за пределами повествования. Почему-то мне всегда казалось, что именно там, за последней точкой должно произойти нечто важное. Я уже сказал, что я нетерпелив, и к тому же совершенно не умею таиться. Поэтому, когда я хочу о чем-либо рассказать, мой характер подталкивает меня выплеснуть все слова в один миг, разом, как из ушата.

Но когда я остаюсь один на один с самим собой, когда моя речь обращена лишь ко мне самому, и мне не надо произносить вслух никаких слов, тогда, поверьте, мысль моя движется очень последовательно от начала, от самой завязки к своему логическому концу. Тогда в моей голове все разложено по полочкам, там есть и первое, и второе, и третье, все подчинено строгой дедукции и нет никакой сбивчивости или спешки. Тогда я думаю: вот именно так я все и расскажу, но стоит мне лишь начать говорить, как язык мой все комкает, и вместо стройной мысли, где каждое слово совершенно и прекрасно в своей обаятельной безвзвешности, где каждое слово самым естественным образом вытекает из предшествующего и несет в себе росток последующего, где есть и сюжет, и логика, и ясный смысл... вместо этого с гоупсом выходят на свет какие-то плохие подходящие друг ко другу, нелепые, сильные слова, совсем не похожие на свои немые прототипы. Говорят, что речь человека отражает его мышление. Но относит ли меня верно другое: язык мой – враг мой. И не только враг, но предатель и обманщик... И с этим (не знаю даже как и назвать его)... с этим чудовищем я живу, представляйте себе, уже больше полвека, и, что всмутило сильнее всего, продолжаю любить его.

Итак, я всегда считал, что настоящий диалог, т.е. настоящая беседа возможна только с себеподобным, т.е. с человеком. Или с самим собой. При моем косноязычии последнее даже предпочтительнее. То, что можно разговаривать с самим собой, я открыл для себя в самом раннем детстве, и это очень помогало мне коротать время обязательного «тихого часа» в детском саду, пока все мои сверстники спали сладким сном на своих маленьких, тесно сдвинутых друг ко другу деревянных кроватках. Наверное, те далекие детские размышления более походили на мечты, и все-таки я и сегодня очень хорошо помню то приятное шекотание в голове, у самых корешков волос, которое производило в ней движение слов. Да и сами слова в то время были совсем другие. Конечно, уже тогда было много слов привычных, хорошо знакомых, начало которых уходило в первые дни младенческого существования. Но были и совсем новые, новые – пятидневки, трехдневки, однодневки. Каждое вновь услышанное слово делало мир шире и завораживало обещанием новых открытий.

Тогда в детстве, к примеру, можно было катать не только шары, но и само слово «шар», которое с протяжным шелестом «ШШШШ АААА» пересекало по ковру огромную иррациональную

комнату детского сада и вдруг ударялось об стену срывистым, напоминающим лязг тормозов, звуком «Р». А попробуйте катнуть слово КУБ, я хорошо помню, что в те «тихие», длинные часы у меня это никак не получалось. Так я проверял и испытывал на соответствие все новые слова, изто были мои первые опыты, убеждавшие меня в том, что в мире существует абсолютный смысл и непреложный порядок.

Наша детсадовская нянечка, которую мы все звали Степешнишна (т.е. Светлана Ильинична), сочувственно относилась к моей дневной бессоннице, она не пыталась усыпить меня и не мешала заниматься важным делом, которое развораживалось в моей маленькой, детской голове. А я, в свою очередь, не мешал ей заниматься ею, как мне тогда казалось, священнодействием. Обычно в часы «тихого часа» она садилась в проходе между детских кроватей и заполняла большие журналы, которые раскладывала на своих коленях. Не знаю откуда, интуитивно я осознавал, что то, что ложится из под ее чернильного пера на серые страницы журнала, тоже каким-то образом связано со словом, что у слова есть еще и такая беззвучная, узорчатая, доступная лишь для взрослых, и от того еще более интригующая сторона. Писать я начал до того, как выучил буквы, покрывая каракулями целые листы.

Но я слишком уклонился от темы. Я всегда считал, что человек может общаться только с человеком либо с другим, либо с самим собой. Я никогда не относился серьезно к тому, что люди разговаривают с животными. «Ну что, устала, моя маленькая?» – говорит старушка, еле поднимаясь по лестнице, своей резво вскочившей на самый верх площадки собачке. «Ну, иди, иди сюда, мой косматый, я тебя пожалею» – обращается одинокий, забитый своими детьми старик к своему другу, огромной облезлой дворняге. Но он не космат и не требует никакой жалости. Жалок и неприбран сам этот старик, и точно также от ходьбы задыхается сама хозяйка-старушка, а не ее юркий пудель. Вне зависимости от того, слышат нас животные или нет, я всегда воспринимал диалог с ними всего лишь как возможность поговорить с самим собой: повздыхать или порадоваться «о своем» при отсутствии более участливого собеседника. А в компании собеседников при случае можно разыграть и комедию: «Вот выздесь, Музжик, развалились, задрал лапы, а мы тем делом государственные вопросы решаем, а вам, видишь ли, и дела никакого нет»... или что-то в этом роде. Подобные речи всегда веселили меня, но сама я, насколько помню, никогда не разговаривала ни с животными, ни с вещами. Ну, разве что мог окрикнуть своего деревенского кота: «Пошел вон!», – когда тот забирался на стол. Впрочем, и тут я предпочитал стукнуть с грохотом по столешнице или замахнуть на животное рукой. Мне казалось, что это может обидеть, и даже ранить слово, если его адресатом будут бесповесные или лишенные способности понимания твари.

Несмотря на это, я очень хорошо помню, что в тот момент, когда она пришла ко мне в первый раз, я застыл на месте и, сам не ожидая того, воскликнул: «Эй, ты что делаешь?!» Выждав минуту, но так и не дождавшись ответа, я повторил: «Ты что делаешь, я тебя не звал». На этот раз ответ был вполне внятный – она, возникшая из далека, скорее как тупое предчувствие, прострелила мне левую ногу от поясницы до самой пятки. Так произошла наша первая встреча, и так началась моя долгая совместная жизнь с Болью.

Слово «Боль» состоит из двух частей: крупное «БО» – подобно капле, набухшая и тяжелая, срывается с кончика крана и разбивается о раковину звонким «ЛБ». Наверно во мне самом не знаю, годы, а возможно и десятилетия понемногу,

тихим, незаметным образом зрело и копилось то, что внезапно резануло тогда мою поясницу. Это была не обычная, знакомая мне боль от простуды, или от того, что накануне я поднял что-то тяжелое. У нее не было никакой причины. Она пришла как гостья, зашла без стука, и поселилась в моей спине. Ничто не предвещало ее пришествия. Стоял заурядный августовский день. Я не дошел пяти шагов до машины, как вдруг почувствовал, что я не один. Помню, я сразу понял (и это особенно напугало меня), что это надло. «Эй, ты что здесь делаешь?» — вырвалось из меня, — «я тебя не звал». Но она не собиралась прислушиваться ко мне. Вероятно, тогда ей было важно заявить о себе, а, возможно, продемонстрировать свою беззащитность. Станным образом, несмотря на все это, в голове у меня мелькнула мысль, что с ней можно будет договориться или, по крайней мере, договариваться и выпрашивать временные послабления. Но тогда мне, конечно, и в голову не могло прийти, что она станет моим постоянным и самым близким собеседником.

Интересно, что за все годы, которые мы прожили вместе, я ни разу не подумал о том, чтобы показать врачу. Какое-то чувство подсказывало мне, что ни один врач не сможет мне помочь. Да к тому же, не считите меня сумасшедшим, сама эта помощь почему-то представлялась мне чем-то вроде предательства. Избавиться от нее насильственным образом было для меня равносильно потере пальца, ноги или руки. Я должен честно сказать, что всегда, несмотря на все неприятности, которые она мне доставляла, лишая сил и укладывая на целые дни в постель, я никогда не отрекался от нее, и всегда считал, и продолжаю считать ее по сей день, своей неотъемлемой частью. И больше того — чем-то возвращенным мною внутри моего организма.

Но если уж быть до конца откровенным, то надо рассказать и следующее: один раз я все же предал ее. Потерял терпение, я попросил принести мне обезболивающее. Пачка с этим, как меня уверяли, чудодейственным препаратом до сих пор лежит на моем столе, напоминая о моем малодушии. В ней не хватает лишь одной пилюли — той единственной пилюли, которой я воспользовался, желая заглушить свою Боль. Не знаю, можно ли сказать, что лекарство не помогло? Оно оказалось неспособным притупить мою Боль, вместо этого оно притупило мое сознание. У меня было совершенно отчетливое ощущение, что пилюля удаляет не Боль от меня, а, напротив, меня от Боли. Мне казалось, что, не имея возможности победить болезнь, «чудодейственный препарат» начал бороться со мной. Такое развитие событий меня никак не устраивало.

Вероятно, уже тогда, даже в самые мучительные часы, когда мне не хватало терпения, когда я начинал стонать в голос и мечтал лишь об одном, чтобы меня оставила эта невыносимая жгучая Боль, во мне уже жило сознание того, что без нее я потеряю существенную часть самого себя и, обретя здоровье, лишусь того внутреннего пространства, которое неожиданно раздвинулось для меня благодаря этой болезни.

Я написал слово «болезнь», но я никогда не называл ее болезнью. Думая о ней, или обращаясь к ней, я звал ее только Болью. Болезнь — это БОЛЬ, которая ЛЕЗЕТ, желает проникнуть в вас, навязаться вам. Но моя Боль не пыталась завладеть мною хитростью, подобраться ко мне с черного хода или обманным путем, и вообще, теперь я особенно отчетливо понимаю это, — она не была враждебна ко мне, и поэтому ей незачем было скрываться. Она проявляла свою надменность открыто. Она могла властвовать надо мной, но каким-то странным образом я чувствовал, что она не стремилась спомнить моей воли или уничтожить меня. Как я теперь понимаю, она хотела выдвигать меня из привычного круга жизни и сделать так, чтобы мое внимание было обращено вовнутрь, чтобы, беседуя лишь с ней одной, я и сам приобрел стойкость и достоинство Боли. Полагаю, что я

выражаюсь достаточно ясно: я чувствовал, что она хочет научить меня терпению, и что она пришла воспитать и заковать мою волю. Стойкость и твердость, которые обычно определяют волевой характер, часто оказываются сродни бесчувствию, но моя Боль, досаждавшая мне каждодневным напоминанием о себе, вела меня к твердости и стойкости, которые не исключают чувствительности, доходящей до пронзительности страдания.

«Что ты такое?» — спрашивал я ее. И она отвечала: «Нервы, твои нервы, которые с возрастом приносились и уже не могут работать должным образом. Нервы, которым не достает правильного питания, которые зажаты между мышцами и позвонками». А в другой раз она говорила мне: «Я твои бессонные ночи. Я — тот огонь, который не был потушен сном, и который годами копился в твоей пояснице, пока не поджег тебя изнутри». Но однажды я услышал от нее следующее: «Я — то место (нет, нет, я точно помню, она употребила не «место», а «лоно»), я — лоно, из которого рождается слово. Ты всю жизнь рлился в словарях, прислушиваясь к словам, желая докопаться до самого их истока, но он сокрыт от людей, я сняла для тебя покров тайны, будь ближе ко мне, здесь зародыши слов».

Тогда, забывая о мучениях, я благословлял свою Боль за то, что она просверлила на моем теле отверстие (простите, если я опять выражаюсь не совсем понятно) в мир первых основ. Сквозный Болью, боясь пошелухнуться, чтобы не растрескать спину, я ощущал, как мое тело теряло вес, при этом руки, овеваемые холодящим дыханием сверх чувствительности, получали возможность держать и ощущать слова, осязать их своими пальцами так, как если бы они имели свойство предметов, и мир слов становился тверже, тяжелее и реальнее материи.

Поначалу слова выпадали из моих рук. Вернее, они проскальзывали сквозь них, как если бы рукам не хватало плотности, чтобы удержать то, что намного превышает их своим весом и крепостью. Но раз от раза руки становились все увереннее, так что я приобрел способность не только какое-то время удерживать слова своими пальцами, но и поворачивать их в разные стороны, с тем, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть их.

Я до сих пор помню ту сладостную прохладу на кончиках пальцев от соприкосновения со словами. Обычное слово, когда оно вместе с выдохом выходит из уст, представляет собой звук, т.е. затихающую вибрацию воздуха. Но в тех словах, которые я держал в своих руках, не было ничего зыбкого, утасоющего. Напротив, они скорее походили на твердые кристаллы, но при этом... в них пульсировала жизнь. Не уверен, что я правильно передаю свои ощущения, попробуйте понять, очень сложно говорить о том, что не укладывается в рамки обдуманного, но я бы сказал, что внутри них было биение света. То, что мы называем гласными — ссарило кристаллы изнутри цветным сиянием, тогда как согласные приобретали форму твердых ребер, обозначая различные грани кристалла. В те дни нередко, лежа на постели и страдая от резкого жжения в пояснице, я держал в руках маленькую пирамидку: ее гладкое основание мои пальцы «прочитывали» как «Б», ее заостренная вершина издавала звук «Ль», а между ними все было запито голубым чистым, как утреннее небо, сиянием гласного «О»... иза этой голубизны открывался мне новый мир светящихся кристаллов.

Не знаю, каждая ли болезнь обладает своей собственной волей. Вероятно, это так: она приходит к человеку, когда ей вздумается, и сама решает, как долго ей находиться с ним, когда ей оставить его или забрать с собой. В том, что моя болезнь была не совсем моей, т.е. имела свою собственную волю и была скорее поспанцем, пусть даже и выношенным мной в моем теле, я мог убедиться каждым утром. Дело в том, что, засыпая обычно за полночь измученным и уставшим от

Боли, я просыпался по утрам совершенно здоровым. Поначапу я даже наивно надеялся, что болезнь отступила, что на сей раз она уже не вернется ко мне. Но она всякий раз вновь и вновь возвращалась, подбираясь ко мне в три этапа. Сначала я видел ее как бы издали. Уже в этот момент я понимал, что все пойдет своим чередом, но это еще не было Болью. Это был ее первый предвестник: как если бы кто-то в глубине коридора повернул ключ в замочной скважине и еще не успел открыть дверь... но уже тогда было ясно, что в следующее мгновение дверь распахнется, и холодный ветер вихрем ворвется с улицы вовнутрь. Так оно и было – за первой волной накатывала вторая, т.е. сама Боль. Со временем я привык и научился терпеть ее, я даже мог вставать с кровати, перемещаться, сидеть за столом, работать. Но нередко за второй волной приходила третья – а именно Боль нестерпимая, превышающая мои силы, и доводящая меня до края отчаяния. Опасаясь ее прихода, я умолял ее не приходить. Я молил ее как ребенка, который просит своих родителей о прощении: «Пожалуйста, оставь меня, прошу тебя, не мучь сегодня, дай мне отдохнуть». И представьте себе, иногда она шла мне навстречу, и, проявляя снисходительность, давала время набраться сил, и – то что больше всего и удивляло, и радовало меня – обнаруживала свою способность слышать мои слова.

В тот день, о котором я хочу рассказать теперь, все шло как обычно. За первой волной подступила вторая, я не могу припомнить ровным счетом ничего особенного. Но именно в тот день я почему-то впервые за десятки и сотни дней не просил ее отложить свой приход.

Я сказал, что в тот день «все шло как обычно», но это не совсем так. Внешне то утро походило на все другие: я проснулся без Боли, но я знал, что она рядом и что она не оставит меня. Это утреннее ожидание за годы болезни превратилось в привычку, и я так сжился с ним, что, кажется, оно притупилось и потеряло остроту переживания. В тот день Боль медлила. Обычно она настигала меня уже в постели. Но в тот день я поднялся, сделал несколько шагов – Боли не было. Помню, я особенно долго умывал лицо, растирал холодной водой свою шею, наслаждаясь тем, что могу

свободно наклоняться над раковиной. Совершив свой утренний туалет, я надел белую рубашку и уселся в ожидании на диване. В том, что Она придет я не сомневался ни секунды. Странно, если раньше я хватался за каждую минуту отсрочки, тешил себя надеждой на возможное исцеление, то в тот день, получив почти час безболезненного существования, я ни разу даже не подумал о том что, возможно, наконец мне удастся захватить без Боли.

Есть две странные вещи, которые произошли в тот день: я ни секунды не надеялся на исцеление и, второе, я не боялся ее третьей волны. Это не было отчаянием или потерей надежды. То, что тогда происходило со мной, я, скорее, назвал бы примирением. Как я понимаю теперь, за годы мучений во мне незаметно и даже, полагаю, вопреки моей воле и желаниям, вызрела готовность...

Слово «готовность» требует определения: готовность чего-то или готовность к чему-то, но я бы хотел оставить это слово без всяких определений – во мне вызрела готовность. Просто «готовность»...

В тот день Она пришла ко мне, когда я сидел на диване. Пришла, как и всегда, издали. За первой волной накатилась вторая. Чтобы облегчить мучение, я лег и выгнулся на диване. Я знал, что за второй следует третья. Я молчал. Мне казалось, что в тот момент я потерял возможность говорить. И Она пришла. Она накатилась, как и всегда, властно и в полную силу. Не топырью поясницу, все мое тело охватило огонь. Но вместо привычного жжения меня вдруг пронзило светом.

Последнее, что я видел, была кристаллическая пирамидка. Опрокинутая вершиной вниз, она стремительно увеличивалась в размере. Острое «ЛБ» упиралось в мою, приобретающую крепость камня, ладонь левой руки. Правой рукой сверху я держал основание пирамидки, мои пальцы «прочитывали» его, как «Б». А между основанием и вершиной сияла буква «О». Голубая, как утреннее небо, разрастаясь и перекатываясь в моих руках, она открывала новый мир ослепительных, по-детски чистых слов... Легкое щекотание у самых корешков волос пробежало по моей голове.

Анна Ильина-Цабадзе

Война

Жизнь не в тягость, но пострадавших
множество...

Лихорадит.

А я смотрю, чтобы не было очень рано...

Ведь беда – она как рана.

С утра до ночи,

А иногда грохочет...

Но я смотрю в окно утром рано!

А вдруг не будет так рвано,

так прямо,

И я напьюсь чаю с мёдом!

А первое слово дороже второго,
Как первый причал у весны.

А первое стоит всегда дорогого,
Как лёгкие летние сны.

Нам что-то мешает, идём сквозь ненастья,
Мечтою заветной полны.

Витают над поиском долгого счастья

Тень давней, неясной вины...

Волосы в блеск, губ отблеск...

Голос твой тих.

Сколько радости –

сорок сороков.

Возглас колокола лик!

И продвигаясь сквозь судьбы нерадение,

По праву –

ввысь, вширь,

Звучит столь высотное пение,

Как многострунный Псалтирь.

И не брезгуя опасностями,

Ещё и ещё – в пост

Душа твоя не спорит с ясностями,

Ответ твой предельно прост!

Не мыслю, не знаю, как я б отдыхала,
Я в этом ещё невольна.

Но в поисках счастья, в виденьях причала

Плыла к побережью волна.

Пусть тени сомнений творили помехи,

Но мир, где мечтаешь, не пуст.

И в памяти долгой стирались огрехи,

Слова вырывались из уст...

Маргарита Сюрина

ДООС – данаида

БЛАГО-ДАТЬ

Мы мечемся по жизни в поисках успеха.
Мы проживаем дни с надеждой на успех.
Нам все печаль. И все потеха.
Нам всюду слезы, всюду смех.

Мне хочется успеть все то, что не успела.
Мне хочется узнать, увидеть, испытать.
Мне нравится молчать и ничего не делать.
Мне нравится все то, что не могу понять.

Стремлюсь в свои мечты и открываю двери
В какой-то деформировано-искаженный мир.
Там яркие цветы, загадочные звери,
Там рафинировано-изощренный пир:

Цветы едят зверей,
Ослы поют и скачут,
Шмели жужжат в тазу с вареньем;
Там из пустых речей
Берут слова, что значат
Хоть что-нибудь,
и в озеро швыряют с наслаждением;
Седые карпы в озере
Закормлены словами,
Они растут и разевают пасти,
И карточные козыри
Плывут под парусами,
Раздутыми порывами
Бездумной власти;
На влажных валунах
Лишайники рисуют
Свои затейливые символы-узоры;
Из темных волн морских

Киты всплывают и танцуют
Русалки на хвостах
Запутанных в сетях
Многообразной океанской флоры;

Трубят Заря и... кто там? – Гелиос!
По небу разрезает в колеснице,
У Гелиоса безупречный нос,
Такому носу можно подивиться;

Навстречу выплывает полная Луна,
И хор светил и звезд приветствует поэта,
Но снова наступает тишина,
И на простой вопрос не отыскать ответа:

Что наше существо
И плоть, и кровь, и дух,
Вскипает вещество
Рождает зренье, слух;

Мы нюхаем, едим,
Страдаем и поем;
Молчим, кричим и спим
Отдельно и вдвоем;

Рождаемся на свет
Чтоб вскоре умереть,
Чтоб воплотить Завет,
Чтоб что-нибудь успеть...

Маргарита Сюрина
«Искушение Евы»
из цикла
«Почерк Леонардо»
(бумага, тушь, перо)
2011 г.

Уходим, так и не успев здесь ничего понять.
Нам всюду слезы, всюду смех, нам всюду благо-дать!

(1996, 2016)

В саду у коммуниста и ветрено, и мистично,
хотя вокруг такой простор звенящий.
В саду у демократа тепло и таровато,
хотя вокруг простор пустой и нищий.
От холода копей, бреду я по ашлее:
зачем Господь не даровал мне брата?
Ведь всем не хватит места в саду у коммуниста,
тем более в саду у демократа

(2001)

«Не поивши, не кормивши — врага не накормишь». Во мне всегда все протестовало против этой народной мудрости. Предки мои по материнской линии отличались невиданным хлебосольством, у дедушки за столом в годы послевоенной бескорыщия едва ли не ежедневно, по словам престарелых уже очевидцев, бывших некогда молодыми и голодными, сидело людей до дюжины и свыше. И не все из них были родственниками.

Выручала дед тогда своя пасека: мед во все времена был «твердой валютой» и в сельской местности, и в малых городах. А не корми он дальнюю родню, соседей и заезжих «калик перехожих», мог бы нажить добра видимо-невидимо.

Но не собирав мой дед сокровищ на земле, а собирав их, согласно Писанию, на небе. И был, конечно же, наказан за свою доброту неоднократно и доносами, и склоками, и оговорами, и даже дожил до ситуации «Короля Лира Новосветловского уезда», когда родные дети пытались оставить его без крова. Скажу только, что доживал он последние годы в нашем с мамой доме.

Мама моя вполне годилась на роль Корделии, и потому что была самой младшей из его восьми детей, и потому что любила его бескорыстно, без видов на наследство, которое взяли делить его старшие дети задолго до его кончины.

Эта история, запечатлевшаяся в моем детском сердце, должна была бы, казалось, меня чему-то научить. Ну, например, не доверять безоглядно людям.

Но не тут-то было. Наследственность это не наследство, которое можно растратить или приумножить. И склонность у кого-то к накопительству, мздоимству или воровству, а у кого-то к обычаю кого ни попадя в дом звать, кормить-пить, пуховики взбивать — это род болезни трудноизлечимой...

Не так давно я поняла, что жизнь меня так ничему и не научила. Видимо, голос крови сильнее голоса рассудка. И никакая ученость тут делу не поможет.

Это случилось, когда я услышала фразу, небрежно оброненную одной весьма ученой дамой, которой лично я неоднократно оказывала услуги гостеприимства теперь уже в своем лондонском доме: «Ваша доброта граничит с глупостью!».

Будем надеяться, что она имела в виду всего лишь мое искреннее побуждение принимать на постой кого-либо еще, кроме нее, единственно достойной внимания и остро

нуждающейся в моей фамильной глупости — тире — гостеприимстве в тот некий по-жизнски неуютный для нее момент.

Бог с ней, платившей мне неоднократно злом, весомым и конкретным. Теперь у нее тоже свой дом в Лондоне, бывают там всякие люди, глядишь, ей и вернется то, что она посеяла. Чего я, впрочем, не поймите меня превратно, ей не желаю. Эта, мягко говоря, некорректная фраза ученой (по должности и виду деятельности) дамы (надо думать, недоброй — от большого ума) напомнила мне уроки, которые давным-давно мне пыталась преподавать жизнь. Да, я оказалась неспособной и не внушаемой ученицей.

*

Пусты мои закрома —
вычищены подчистую.
Все раздана — сама.
Что же я так лютую?

Что ж я одна, как перст?
Всклипы — на каждом вздохе.
Что ж я не ставлю крест
ни на одном проходе?

Склоки сведу к нулю,
злые забуду свары —
новым Добром набью
пустующие амбары.
Урок первый был получен.

много в студенческие годы, когда КГБ города Казани (расположенное тогда на Черном Озере и известное многим по книге Евгения Гинзбург «Крутой маршрут») завело на меня нештучное «дело». Достаточно сказать, а говорю публично я об этом впервые, что за мной, двадцатитрехлетней девицей, каждый день присылали машину с молодым (весьма привлекательным, как запомнилось) офицером (может, он уже и генерал какой в нынешнем ФСБ!) и вносили на допросы, которые длились не один час.

Я уже написала было прощальное письмо маме, и получила неожиданной ответ в том духе, что вот, мол, ты же хотела быть русским писателем, значит, должна быть готова к гонениям, страданиям и бедам. А я тебя не брошу, посылки буду высылать, сообщи только — куда.

Были мы с мамой одни в целом свете, но тут и ежу стало бы понятно, что с такой мамой и мордовские лагеря не страшны!

Но то ли директивы смягчающие пришли из центра по отношению к тем, кто читает запрещенные книги и, мало того, дает их почитать невинным и невзвращенным запретной литературой сокамерникам и коллегам по поэтическому казанскому цеху. Да и сами там пишут в всякое-разное, пессимистически зарное! То ли просто проснулись в капитане КГБ, недавнем выпускнике филфака, добрые гены,

но случилось непредвиденное и явно запретное.

Однажды следователь как бы нечаянно приподнял кипу бумаг на столе в поисках цитат из доносов и докладных записок в мой разумный адрес. Сделал ли он это нарочно, теперь не узнать, но пока он поклузливо рылся в бумагах, я отчетливо увидела некоторые узнаваемые подписи под этими клузами

и оговорами! Вот уж не ожидала я в свои юные годы, что представляю такую опасность для общества...

Это были подписи друзей, сокурсников и даже двух-трех (пусть и имитируемых) отвергнутых поклонников. Их-то хоть понять было можно.

То, что меня после университета никуда не брали на работу, то, что мне пришлось уехать в Москву и там тоже многие годы работать «за штатом», на вольных хлебах, которые никогда не были и не будут обильными. То, что долго не выходили мои книги, не выпускали за границу (даже в Болгарию, которая считалась едва ли не шестнадцатой республикой!), все это следствие необъяснимого единодушия малознакомых друг с другом людей, порой пытавшихся — с моей легкой руки — не только студенческими бутербродами с колбасой, но и запрещенными текстами воспоминаний Надежды Мандельштам, к примеру. То есть пища, как ни судите, духовной.

*

Разбить окно и выброститься прочь:
там жизнь, там ночь —
раскинулись деревья...
Разбиться в кровь,
пустить в стон и плач
Зато не в сон и не в безделье.

И чтобы лист оберточной бумаги
прилип к лицу, впитал холодный пот.
И полежать в спокойствии и мраке,
покуда боль пройдет.

А можно так повиснуть на суку
вниз головой
и сочинять поэму...
Я все, что не войдет туда, могу
раздать вокруг, как по кусочку хлеба —

да не возьмут...
И беспричинных слез
вдруг разгадать и устранить причину.
Все можно бы, когда б не этот свист,
не этот визг, что издают машины.

(1997)

И что же было дальше? А дальше было то, что главная доносительница, лучшая подруга, просто-таки писавшая регулярные отчеты о наших поэтических посиделках, во главе которых я (по мнению оперативников) и пребывала (как главный злодей и организатор, а это уже и «статья» покрупнее), она — поклялась... Объяснила, что ее склонили к сотрудничеству, что угрожали исключением из университета, а она первая в их рабочей семье получает высшее образование. К тому же, у нее старые и больные родители, надыхавшиеся за свою жизнь свинцом в типографском полуподвале. Что ей кормить их будет нужно на старости лет, а без диплома — никуда. Что она больше не будет...

Говорю обо всем этом только потому, что я ее простила — еще в те времена, а не сейчас, в безопасном и дальнем благодушии.

Видимо, во мне тогда проснулся дедушка с материнской стороны (как у Короля в «Обыкновенном чуде»). А вот если бы проснулась бабушка с отцовской стороны, то им всем может быть, и не поздоровилось бы.

То есть пришлось бы мне (под влиянием уже дурной наследственности) написать доносы на самих доносителей! Чего, собственно, следствие и добивалось. Ибо им нужно было сколотить группу идеологических злоумышленников. А без этой группы дело «О сапоне Лидии Григорьевой» распадалось, и его пришлось закрыть за неимением веских и

неприхвальных доказательств. Или просто новое поколение сотрудников КГБ, с высшим гуманитарным образованием пыталось соблюсти видимость законности и презумпции невиновности.

Еще меня тогда, как я догадываюсь, спасла явная и, главное, бессмысленная ложь сочинителей доносов. В первый же день следователь, прямо как в кино, предложил мне закурить. Оказалось, что я не только не курю, но и страдаю от пассивного курения. Он был явно удивлен и для верности заглянул в бумаги.

Потом открылся еще один явный обман, потом откровенный оговор с моим невинным алиби в виде отсутствия в городе в момент якобы злобной, публичной антисоветской агитации.

После многих дней «доверительных разговоров» (кричал на меня и топал от злости ногами только полковник Морозов, которого, говорят, боялись и сами сотрудники) следователь все же осенило, что меня по-настоящему в этой, случайно выпавшей мне исторической эпохе, интересует не общественное устройство (царизм, коммунизм, брежневизм), а такая неопасная пустяковина, как изящная словесность в ее чистом виде. Хотя и за нее в древнем мире и языки вырывали, и глаза выкалывали, и на кол сажали. А уж в тридцатые годы двадцатого века...

Но тогда на дворе стояли ранние семидесятые. В моду у властей вошли «мягкие репрессии»: сыска писателям сменили на высылку, а битье головой о стену в грязной камере — на многочасовые прессинги допросов.

Так что мне тогда крупно повезло. Повезло, что доносители промеж опасной для меня правды (писала, читала, разговаривала) намолотили всякого ненужного вранья. Что подруга и друг, как только меня опустили, тут же покапались. И что маме моей не пришлось высылать посылки в мордлагерь.

Зах стелось помнить и доброго следователя, практически спасшего меня от репрессивной машины подкачкой (пристегнуть привязные ремни!) — написать объяснительную записку. Дескать, все это, батюшка Государь, от девичьей глупости, от желания писательницей стать читаю я всякие, в том числе и подлежащие изъятию книжки!

Зах стелось, пока не поздно, слово молвить в защиту добра нашего до глупости. И еще помянуть людей, дававших мне кров и ночлег в долгие годы советской неприкаянности и бездомья. Это их золотыми монетами гостеприимства и благожелательности я теперь расплачиваюсь с другими людьми.

Я по-прежнему убеждена, что человек огражден от зла в этом мире тем количеством добра, которое ему сделали другие люди (каждый может вспомнить десятки примеров).

И еще — неприступным часокопом собственных добрых дел.

*

Зелено вокруг. Прекрасно.
Листья зрелые звенят.
Над моей тоской напрасной
нависает звездный сад.

Росный выкитс, цветущий,
сад румяный, расписной!
Над моей тоской гнетущей
ветер носится сквасной.

Вихрь цветения могучий
Зелено вокруг. Тепло.
Вот и нет тоски горючей.
Отпустило. Отлегло.

Николай Еремин

ДООС – никозавр
Красноярск

*«Здесь несчастье – жужжащий сон:
Счастье – пробуждение».*
В.А. Жуковский

1.
Я – майский жук!

В начале мая
Люблю летать я и жужжать,
Как бы смеялся и играя,
Своих подружек обожать...

И никого не обижать.

2.
Нет, я жук не ямайский.
Да,
Простой жук я,
Майский.

Жук – но не
Колорадский,
А, увы, красноярский...

Всем жукам друг и брат -
Вновь я
Маяться рад...

3.
Жуковский
Излучал «лучи премудрости»,
Чтобы «вселенну
в рай преобразить»...

Жук Овский
Излучал лучи преглупости,
Чтобы вселенну в ад преобразить...

То Бог, увы, то Бес
Там правил бал...
И я, как жук – бал-бес! –
Там танцевал...

Бал жуков

Поэма комментариев к «Журналу Поэтов»
№ 10 (54), 2013 г. «ЖУКОВСКИЙ»

4.
– Оглох Бетховен,
И ослеп Гомер...
Им подражать –
увы, дурной пример! –

Всем предстоит за это наказанье. –
сказал Жуковский,
глядя в Мирозданье,

– Поэт!
Или пиши –
Одно из двух –
Или храни и зрение, и слух...

5.
Жил Жуковский – с царём в голове -
Знал, что значат базар и вокзал.
Не случайно народной молве
Цесаревича он показал...

И Россию, увы, и Сибирь...
Кама, Яик, Иртыш... Сир-бир-
бирь...

6.
И Сергей Бирюков,
Музы-зауми друг
И стиха мужиковского,

Вдруг сказал
– Шире круг!
Ты – мой жук,
Я – твой жук,
Ум Жуковского!

7.
Недаром
Летом и зимой,
Чтобы набраться сил,
Андрей Канавников
Со мной
Чай
И с Жуковским пил...
Чтобы воскликнуть:
– Я не слаб!
Вот – ПАЛИНДРОМ
Вот – МОРД НИЛ АП

8.
С Кореи Южной или с Кубы,
А может, из страны иной...
Но ангел-демон, друг Кацубы,
Явился вдруг передо мной.

И мне сказал:

– Играя роль,
В ладу с комедией и драмой,
Поэт, не ослабляй контроль
Над генетической программой...

Будь Светочем!
Здесь, в царстве тьмы,
У Бога
Не проси займы.

Но
По дороге на Тот свет
Спроси у Кедрова совет...

Или Жуковского спроси,
Он
Былу же на небеси... –

И ангел-демон
Душ и тел
Стал голубем –
И улетел...

11-11-13 г.

АВИА

Куда

Кому

Надпись предпринимателя связи и адрес-отправителя

Ефим Гаммер

Иерусалим

Поэма поэм

Продолжение
темы № 3 (69)
2016 г.
«Поэма
Поэм»

1.
Поэма поэм
одурманена смыслом.
Система систем
опорочена чувством.
Поэт – в замутненье
из разума выслан,
соц-первоходец –
в запой и буйство.

2.
«Бойтесь
Глядящего в небо кануна!
Смейтесь в лицо
перестарку-канону.
Если хула вас
с охоткой пнула,
хулу на хулу,
и – железом каленым!»

3.
«Ихтиозавры вымерли
из-за повышенной радиации,
вызванной крадущимися
сквозь космос
птеродактилями
с ядерными носителями
в хрусталике глаза.
Формула проникновения
в протоплазму выглядит
внешне архисложно,
как дважды два – четыре.
Для непосвященного:
протоколы Эйнштейна и Бора,
Нобелевских лауреатов по физике
гласят:
кто не курит и не пьет,
тот здоровеньким умрет».

4.
Система систем
вне поэмы поэм.
Но жить им в одной
коммунальной квартире,
ходить в туалет
на поиски тем
и теорем
о стабильности в мире.

5.
Поиск тем
начинается с поиска носа.
Находка не радует:
это – не клад.
И снова
метафоры боль под вопросом,
бессонная ночь
и семейный уклад.

6.
Сверк теорем
осеняет внезапно,
без вылазки в изыски
новых проблем.
Ружье – ствол один,
а чтоб выстрелить залпом,
нужно о ствол
раскарт ечиться лбом.
И тысячи искр –
гулевою пулей –
в разные точки,
под точным углом.
И те, кто в кармане
таскал раньше дулю,
тыкнутся ныне
в заезжий дурдом.

7.
Эпитет и метафора страдают:
дымный порох.
«Бездымный! – им сравнение
талдычит в окоем, –
гораздо экономнее
в живых житейских ссорах,
однако нож доступнее
для мышц и хромосом».

8.
«Ихтиозавры вымерли.
Динозавры подошли.
Птичка-кудесница
Вылетела из Ноева ковчега.
И, странное дело, долетела.
Ихтиозавры вымерли –
не слопав ее по пути.
Динозавры подошли –
птичку не растерзав в дороге.
На проверку выходит:
слабая птичка –
сильнее хищных зубов».

9.
В беззубый век
поэт
мучился несварением желудка
И поэмой поэм.
«Не от зависти пишу,
а движим искусством.
Голубь-птичке, я прошу,
отворите чувство.
Жрете птичку день и ночь,
без согласия Брема.
Как ни стыдно вам порочь
Божью теорему?
Мне и кушать не дано.
Но я, зримый сердцем,
Говорю: ходи в окно –
К вашим мегагерцам!»

10.
Для ученых шик и шок –
от стихов учтивых.
Вышли к Феде на лужок
В «Жигуле» и в «Ниве».
Потрепали за волоса,
Оторвали с мясом.
И сказали: «Где глаза,
там, мудаки, касса!»

11.
Поэма поэм
наукотата написана –
в числах.
Система систем –
с поэтической ставкой
на вечный бой.
Поэт в замутнении творческом
снова из разума выслан,
соц-первоходец снова –
в буйство, затем в запой.

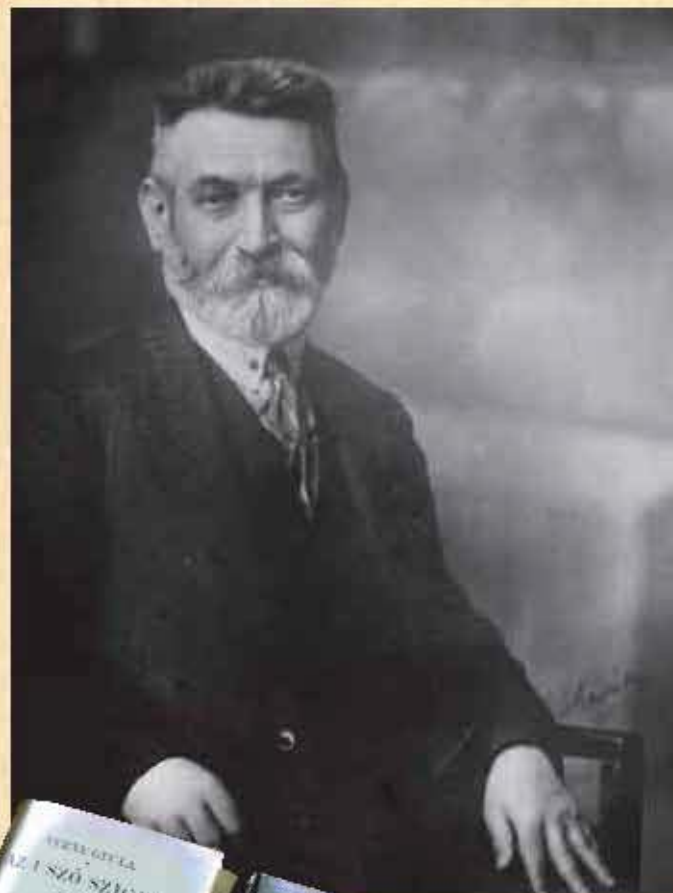
13.
А на речке,
где овечки,
колокольцем
бацают,
как и прежде,
без утечки
информации –
радиация...

Рисунок Ефима Гаммера.

Арон Гаал
Будапешт

Мой прадед Мозес Гаал

Мозес Гаал – венгерский просветитель, педагог, писатель – родился 2 августа 1863 года в городе Барот в Королевстве Венгрия. Эту часть называли в том веке (как и сегодня) по-венгерски Erdély (Эрдей, Ардал – по-румынски, или Трансильвания). Трансильвания в IX–XX веках, точнее до 1920 года, была важной частью исторической Венгрии, где жили венгры, секлеры, саксоны, румыны, армяне и евреи. В родном городе прадеда жили секлеры. Но прадед учился в городе Сибиу – центральном городе саксонов, потом в Братиславе, по-венгерски Пожонь (до 1920 года тоже часть Королевства Венгрия).

В Будапеште он окончил университет на кафедре филологии. Стал работать в Братиславе преподавателем гимназии, но потом вернулся в Будапешт, где позже стал уже директором гимназии, а потом главой школьного образования в районе.

Литературой Мозес начал заниматься еще в гимназии. Первые публикации вышли в Братиславе. Он публиковал стихи, сказки, рассказы, статьи и научные работы о новых аспектах в педагогике и психологии. Создавал новые методы преподавания и воспитания и применял их в своей гимназии. В 1909 г. издал книгу «Школа будущего».

Он автор более ста книг, в том числе исторических. Есть среди них роман о гибели Помпеи, о Наполеоне Бонапарте, о героических женщинах в истории Венгрии. Он занимался и переводами. Переводил на венгерский романы Жюль Верна. Известен и как драматург, автор трех пьес.

Много сил и времени Мозес отдавал работе в газете. Сначала это была «Страна и Мир» (Ország-Világ). Потом педагогическая «Ученическая газета» (Tanulók Lapja) и до конца жизни редактировал газету «Мой еженедельник» (En újságom). В ней публиковались молодые талантливые авторы, а также в серии для молодежи выходили рассказы и романы, которые создавали самые известные венгерские писатели того времени.

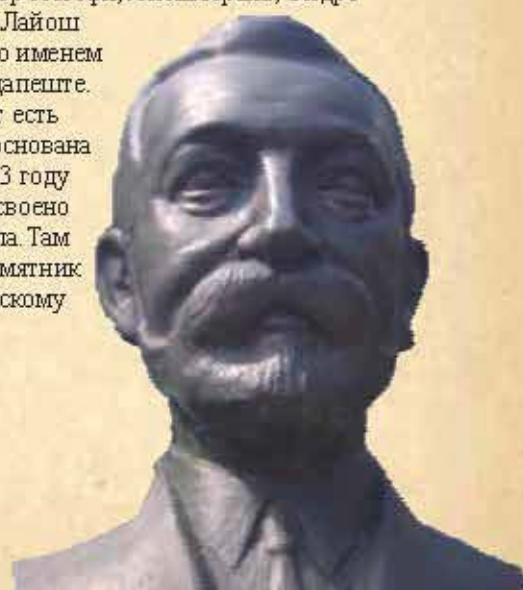
Мозес Гаал побудил прозаика Ференца Молнара написать книгу «Малчишки с улицы Пала» (Pál utcai fiúk). Этот ныне всемирно известный роман печатался с продолжением в газете прадеда в начале 1900 года.

Он пригласил преподавать в свою гимназию известного венгерского поэта, переводчика Михая Бабича, которого поддержал и на поэтическом пути. Михай Бабич переводил на венгерский грандиозную «Божественную комедию» Данте Алигьери. Мозес и его жена часто были гостями в доме Бабича в городе Эстергом, что от нашего отчего дома 16 км.

На крыльце, у входа в дом, знаменитая стена, на которой сохранились оригиналы автографов известных венгерских поэтов и писателей той эпохи, которые приезжали в гости к поэту. Там можно увидеть и подпись прадеда.

Мозес Гаал умер в 12 июля 1936 года в Будапеште, ему было 72 года. Его похоронили на Национальном Кладбище на улице Фиумеи. На этом кладбище покоятся великие поэты, писатели, политики – Михай Вёрешмарти, Шандор Петёфи, Янош Арань, Эндре Ади, Михай Бабич, Лайош Кошут и другие. Его именем названа улица в Будапеште.

В городе Барот есть школа, которая основана в XV веке. В 1993 году школе было присвоено имя Мозеса Гаала. Там же поставлен памятник великому венгерскому просветителю.

Христо Тодоров

(1938-1983)

Болгария

За пределами сюрреализма: лирическая и философская поэзия

Публикацию подготовила
Лорина Тодорова
(Велико Търново).

René Char

Le Martinet

Martinet aux ailes trop larges, qui vire et crie sa joie autour de la maison. Tel est le coeur.

Il dessèche le tonnerre. Il sème dans le ciel serein. S'il touche le sol, il se déchire.

Sa répartie est l'hirondelle. Il déteste la familière. Que vaut dentelle de la tour?

Sa pause est au creux le plus sombre. Nul n'est plus à l'étroit que lui.

L'été de la longue clarté, il filera dans les ténèbres, par les persiennes de minuit.

Il n'est pas d'yeux pour le tenir. Il crie, c'est toute sa présence. Un mince fusil va l'abattre. Tel est le coeur.

Рене Шар

Стриж

Ширококрылый вьется стриж над домом и кричит от счастья на лету. Как птица сердца.

Он осушает гром небесный. Он в чистой сеет синеве. Земли коснись он – разорвется.

Ему касатка – острый нож. Он ненавидит домовницу. К чему на башне кружева?

В глухой щели его заминка. Нет в мире большей тесноты.

Он в незакатный летний день в полночный выскользнет плетень, как метеор, во тьме растает.

Глазам поспеть за ним невмочь. Кричит – и только тем приметен. Невзрачный ствол его сразит. Как птицу сердца.

Это стихотворение составлено из многочисленных дескриптивных фрагментов: каждый из шести стихов предлагает какую-либо черту характера или привычку стрижа: текст просто на просто представляет стрижа таким, какой он ЕСТЬ. Но этот текст, который желает оставаться серией констатаций, эллипсов, содержит в себе много пробелов (того, что остается несказанным): поэт оставляет лишь обрывки мыслей, которые как бы и служат аргументированной логикой и развернутым многословием.

Текст Шара характеризуется экстремальным ЛАК ОНИЗМОМ, а весь интерес этого стихотворения находится в его имплицитности, в пробелах, в том, что не сказано, а слова, используемые Шаром, – лишь пунктиры, которые ведут Читателя к имплицитному смыслу, содержащемуся в несказанном. Вот один пример:

«Il déteste la familière. Que vaut la dentelle de la tour?» – Он ненавидит домовницу. К чему на башне кружева?

Между двумя фразами логическая связь кажется нулевой. Однако сила эмоциональности текста, имплицитное присутствие модальности, позволяют

установить имплицитную связь между двумя фразами: стриж презирает уют домашнего очага.

В тексте устанавливается пересекающая весь текст оппозиция между отдыхом (тюрьмой) и порывам (свободой). Эта оппозиция проявляется словами, которые сильно подчеркнуты в данном контексте метафорами одного из этих терминов. Содержание текста следующее: стриж не любит отдых, он живет в дискомфорте. Вот как вводятся в текст идеи отдыха и вдохновения:

ОТДЫХ – тюрьма

ПОРЫВ – ВДОХНОВЕНИЕ, свобода

дом ширококрылый
земля гром небесный
кричит от счастья на лету
В глухой щели его заминка.

Подобному противопоставлению предполагается наличие второго типа противопоставления: между видимым (глаза, светлина) и невидимым (крик, темнота).

Перевод Вадима Козового

Наконец, радости стрижа противопоставляется враждебность, которая его окружает: «Невзрачный ствол его сразит. Как птицу сердца».

Итак, как эта видно, в дескриптивном тексте имплицитно появляется эмоциональное, очень сильное напряжение: за описательным тоном скрывается оценочный суд, симпатия (к стрижу) и возмущение (от того, что ему кажется враждебным). Вторжение эмоции в этот описательный текст становится возможным благодаря идентификации стрижа с человеческим существом, с тем, что есть лучшего в человеке («Таково сердце»: это утверждение повторено два раза – в первом и в последнем стихе). Поэзия Шара «надевает» маску моралиста. И нет ничего странного, что эта поэма заставляет нас задуматься о зверях – страшилищах литературы эпохи Средневековья.

Поэзия Шара, возбужденная человеческим величием, усилием, которое человек должен проявить над самим собою, – это поэзия, которой надлежит кормиться высокомерным человеческим стоицизмом, в отличие от учений моралистов, которые не колеблются, чтобы это сказать. Шар аутентичный поэт; и вместо того, чтобы читать мораль человечеству, он предпочитает выражаться сибилланским* языком, исключительно герметическим и очень туманным.

Да, мы чувствуем благородство поэта-моралиста, его прикрытый пафос, маскированный, тщательно спрятанный там. Читателю не приходится подчиняться морали, но он должен сам себе преподнести урок о морали. В поэзии Шара существует основное противоречие между тенденцией и полисемией, свойственной сегодняшней поэзии (Reverdy, Breton, etc. и т.д.).

Итак, Шар остается: в поэзии самое важное, что остается, это не то, что говорят (диктум), но воображение (модус). Если сравнивать его с поэтами и философами (например, Vigny), которые прозрачны, то герметизм и затемнение у Шара есть свидетельство приоритета поэта над моральной философией!

Christo Todoirov, Histoire de la littérature française, FABER, 1999, p. 288 – 290

* Сивиллы, сибиллы – в античной культуре пророчицы и прорицательницы, экстатически предсказывавшие будущее, зачастую бедствия.

Владимир Делба

Несколько вариаций на
джазовую тему *«'round midnight»
(Вокруг полуночи)
Памяти джазового музыканта
Декстера Гордона

Вариации на тему:

1.

Растворил в тихой синей прохладе
Ноты джаза усталый солист,
Завершая привычной руладой
Свой прощальный вечерний
плейлист.

Гаснут медленно звуки, как свечи,
Под мостами, над сонной водой
Расстилает над городом вечер
Полог звездный магический свой.

Ни следа от недавней бравады,
Саксофон остывает в тиши,
И звучанье апрельской баллады
Затихает в глубинах души.

И в мансарде убогой Монмартра
Повторяет знакомый рефрен
Как молитву, как странную мантру,
Темнокожий безумный джазмен.

Снова вечное судеб движенье,
На стене тени нервные рук,
Вновь начнется мелодий круженье,
В ноль часов, полуночи вокруг.

2.

Звук, осторожный, как дыхание,
То тихим тремоло дрожит,
То мощным свинговым звучаньем
В регистрах ночи ворожит.

И снова странное скольженье,
Импровизаций, ритмов, нот,
Судьбы и музыки сплетенье,
Полуночи привычный код.

Октавы сложная орбита –
Последний джазовый форпост:
Саксофонист в лучах софита,
А над планетой – звездный мост.

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

На языке тела поэзии

Вилли Мельникову

тело обездвижено
твой уникальный
воспаленный усеченный
после операции мозг
из трепанированного черепа
тщетно пытается
достучаться
кричит одновременно
на всех
известных тебе
104 языках
посылая
речевые сигналы
которые
частично воспринимает
только правая рука
выбрасывая
слабыми пальцами
коленца
на неизвестном
тебе самому
языке глухонемых
брокеров
небесной биржи

какую азбуку
ты пытаешься
нам показать
из своего запределья
тело обездвижено
но тело мысли живет
своей жизнью
с закрытыми глазами
ищет выход
из лабиринта речи
в первобытный лабиринт
жестов
и сакральных знаков

твой новый язык
поднятый
со дна колодца
клинической ночи
комы речи
дает надежду –
ты говоришь с нами
на языке
тела поэзии

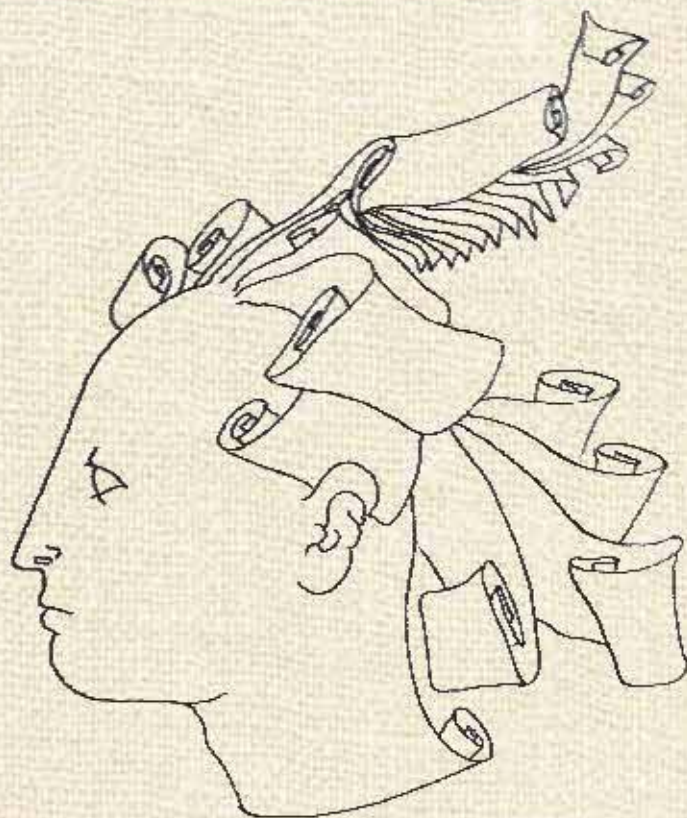

Рисунок
Кристины
Зейтуниан-Бклоус
ДООС – графикозавр
Париж

Ирина Мельник

село Александрия

– Доброй ноченьки, моя радужная птичка...
Смыкают ангелы на ветвях свои крылья,
шагают клубочно-облачные слоненки на розовый
запад,

затухают медленно налитые соком яблоки,
стучат молча на спину земли в садах,
стихают дома и голоса в травах;
капает темнота из крыш на окна,
всходит луна на ногтях белой буквой «С»
(между нами уже как месяц),
осыпаются звезды, как манна из неба
я собираю их сегодня – мечты
завтра из них могут вылупиться змеи.
Я закрываю твои окна ладонями.
Твои пальцы теряются в коридорах
моих волос.

Позволь мне быть ребенком,
потому что если я буду больше чем твой зрачок,
то не помещусь в твоём взгляде,
мне будет тесно в твоей песне колыбельной,

нам придется быть взрослыми.

Двери всегда открыты.

Корабли в свободном плавании.

Рыбы выплывают из глаз, настоянных слезами.

Ночь законсервированная до рассвета.

– Вам справа болит?

– Нет, – слева, за несколькими километрами,
кардиолог говорит, что у меня «шумы» в сердце –
это ты ко мне отзываешься.

Моя больничная карточка состоит из имен дорогих
людей,

они болят мне разлуками.

До утра еще несколько веков,

ангел заслоняет лицо солнцу,

а оно: «Отпусти, отпусти...»

Одеваюсь в горы и луга, и озера –
ты не исчезаешь,

потому что я вчера видела,

как радуга взлетела из моего темечка,

как будто мост, тобой начерчен,

как будто луна буквой «С»,

которая заканчивается в твоём сердце.

Если не прощались – значит увидимся.

– Доброй ноченьки, мой лунный мальчик...

«Не говори с тоской: их нет...» Василий Жуковский

Журнал ПОэтов ДООС
№ 3 (74) 2017 «Уходи, зажгите свет»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е. Кацоба – ответ. секретарь, арт-директор;
С. Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А. Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В. Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А. Городнянский, доктор геолого-минералогических наук,
поэт, бард (Москва);
Э. Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
А. Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт,
прозаик, переводчик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва);
А. Такеда, профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС
(Добровольное общество охраны стресса) при участии
Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной
общественной организации «Центр современного
искусства».

Логотип – Андрей Врядий
Макет – Елена Кацоба.
Верстка – Николай Лазарев.

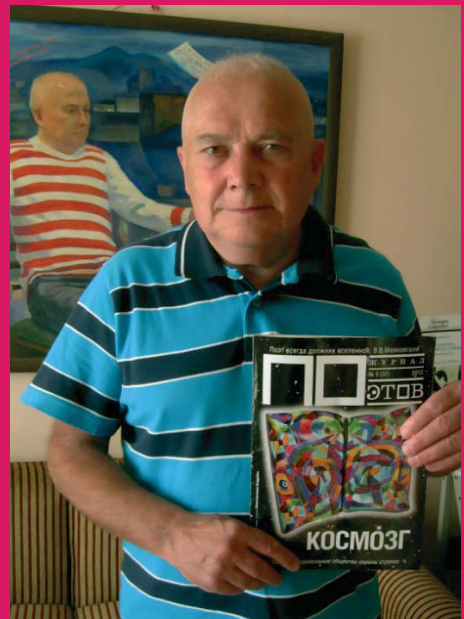
Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии
Номер подписан в печать 15.06.2017 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
<http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742>
E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Пэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Галерея авторов ПО

Сверху вниз: 1 ряд – Кшиштоф Шатравски (Олыштын), Варвара Черковская (Солигорск), Филип Меерсман (Брюссель);

2 ряд – Виталий Пацюков
Александр Карпенко, Анжелина Полонская;

3 ряд – Ольга Лебединская (Днепр), Николай Ерёмин (Красноярск), Александр Добровольский (Смоленск).

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла

Забывтое пальто
(холст, масло), 1972 г